

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ОСОБЫЙ ПРИЕМ
ГУРОВА**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Особый прием Гурова

«Научная книга»

2012

Леонов Н. И.

Особый прием Гурова / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2012 — (Полковник Гуров)

«Суббота была как суббота, и в Чернореченске – областном городке Центральной России, жизнь шла своим чередом. Этим погожим летним днем люди, отоспавшись за рабочую неделю, неспешно приступали к своим делам: кто-то собирался решать накопившиеся проблемы, кто-то, наоборот, планировал отдохнуть, торопились на электрички и автобусы дачники, а молодежь – на пляж. Одним словом, жизнь кипела...»

Содержание

Суббота	5
Воскресенье	9
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Николай Леонов, Алексей Макеев

Особый прием Гурова

Суббота

Суббота была как суббота, и в Чернореченске – областном городке Центральной России, жизнь шла своим чередом. Этим погожим летним днем люди, отоспавшись за рабочую неделю, неспешно приступали к своим делам: кто-то собирался решать накопившиеся проблемы, кто-то, наоборот, планировал отдохнуть, торопились на электрички и автобусы дачники, а молодежь – на пляж. Одним словом, жизнь кипела.

Не до отдыха было только мэру Василию Ивановичу Королеву и его команде. Как и каждую субботу, он осматривал все стройки города, впрочем, он и в будние дни в кабинете не засиживался. Его кортеж в сопровождении местных теле- и прочих журналистов сновал по городу, как челнок, и к вечеру Королев добрался до своего самого любимого детища – стройки нового спорткомплекса на берегу речки Чернавки, когда-то давшей городу его название. Злые языки из местной оппозиционной газетенки «Протест» утверждали, что приезжал мэр туда именно по вечерам потому, что уж больно красивые кадры получались, когда он на фоне закатного солнца стоял на бетонном козырьке над будущим входом.

Вот и в этот раз он, проинспектировав стройку, стоял вместе со своим заместителем Александром Александровичем Багровым на самом краю козырька, показывая куда-то за реку, и что-то говорил. Но вот какие конкретно указания давал своему заму, так и осталось неизвестным, потому что бетонный козырек вдруг треснул, и его край, вместе с Королевым и Багровым, рухнул вниз, а те несколько кусков плит, что некоторое время удерживались на арматуре, накрыли их сверху. Перепуганная свита, толкая друг друга, кинулась в здание, а потом, поняв, что все кончилось, спустилась вниз, и мужчины начали очень осторожно вытаскивать пострадавших, которые в этот момент больше напоминали сломанные куклы. И только чудом можно считать то, что они оба остались живы. Их тут же со всевозможной осторожностью погрузили в машины и повезли в больницу, а журналисты, которые все это время продолжали снимать, рванули следом. Пока шел осмотр потерпевших, они успели передать в Москву свои репортажи, а потом, устроившись биваком возле больницы, стали дожидаться выхода главврача. Появившись наконец, тот объявил, что состояние у обоих пострадавших критическое, полученные ими травмы практически несовместимы с жизнью, хотя благодаря каскам обошлось без черепно-мозговых, но шанс есть всегда, и он никаких прогнозов дать не может. Репортажи об этом происшествии прошли во всех новостных выпусках всех центральных каналов, и предположения строились самые разные: теракт, покушение на убийство, некачественные стройматериалы. В общем, каждый канал изощрялся как мог.

А в этот вечер в Москве, точнее, в Подмосковье, на даче Стаса Крячко на просторной веранде сидел сам хозяин дома с супругой и его друг Лев Иванович Гуров, тоже с женой, между прочим, народной артисткой России Марией Строевой. Не сказать, чтобы стол ломился – не для того здесь люди собрались, чтобы «нажраться от пуза», а чтобы пообщаться и отдохнуть душой от городской суеты и треклятой работы, воздухом свежим подышать, в речке искупаться, в баньке попариться да на рыбалку сходить, на которую, причем ночную, они сейчас и собирались. Гуров всегда был скептически настроен по отношению к отдыху в деревне, но, вынужденно проведя здесь в мае целую неделю, иначе их друг и начальник генерал полиции Петр Николаевич Орлов упек бы его в больницу и не поморщился, он, как ни странно, вошел во вкус, и это неспешное течение жизни ему весьма понравилось. Вот он и начал подумывать

о том, чтобы прикупить здесь же себе домик – ну, не вечно же Стасу по выходным надоедать, хватит того, что они на работе «личико в личико» сидят.

А вот Мария была согласна абсолютно на все, даже на жизнь за Полярным кругом, лишь бы с Гуровым. Только практически потеряв его, она поняла, как же любит своего Леву, и теперь, с огромным трудом восстановив некое подобие былой семьи, терпеливо налаживала отношения с ним, для чего пересмотрела все свои взгляды на жизнь и привычки. Сейчас она сидела рядом с женой Стаса, которая делилась с ней последними рецептами консервирования огурцов, и делала вид, что ей это безумно интересно. А что еще оставалось делать, если Гуров и Крячко не просто полковники-«важняки», но еще и закадычные друзья? Только, как обычно говорил Лев Иванович: «Будем терпеть!»

Как там у Чехова? Если в первом акте на стене висит ружье, то в третьем оно обязано выстрелить. Правда, в наше время роль ружья обычно выполняет мобильный телефон, и уж, если лежит он у тебя в кармане, будь уверен, что зазвонит в самый неподходящий момент. Сначала зазвонил телефон Гурова, и тот, увидев, что это Орлов его беспокоит, просто отключил мобильник и объяснил:

– Я по Конституции имею право на отдых.

Но тут затрезвонил сотовый Крячко, который последовал примеру друга, заметив:

– Ночная рыбалка важнее, а вот в понедельник пусть озадачивает нас, сколько его душе угодно.

Посчитав, что проблема исчерпана, друзья уже стояли с удочками в дверях, когда с самым виноватым выражением лица появился участковый Трофимыч:

– Господа-товарищи полковники! Ну, я же не виноват, что генерал Орлов мой номер телефона знает.

– Ты нас не застал! Мы уже на рыбалке, а где именно, ты не знаешь! – предложил ему Стас, но тот в ответ только развел руками и вздохнул – крутой нрав Петра Николаевича был хорошо известен не только в Москве, но и далеко за ее пределами, что уж тут о Подмоскovie говорить?

– Ладно! Давай узнаем, что же там такое случилось, – решил Лев Иванович и позвонил Орлову: – Петр! Что стряслось?

– Ты сегодня вечером новости смотрел?

– А чего я там не видел? Политикой и курсом валюты я не интересуюсь, а криминала и прочей грязи мне и на работе хватает, – ответил Гуров.

– Сегодня вечером в Чернореченске при невыясненных обстоятельствах чуть не погибли мэр и его заместитель.

– Что значит при невыясненных? – возмутился Лев.

– А то и значит, что это может быть как несчастный случай, так и преднамеренное убийство, если вообще не теракт, – объяснил Орлов. – Наши эксперты уже вылетели туда и скоро должны отзвониться, что это было на самом деле.

– Ну, с терактами и диверсиями пусть соответствующие ведомства разбираются – это не наша поляна, – начал отбиваться Гуров. – А вот если эксперты докажут, что это не несчастный случай, тогда и можно будет посмотреть, откуда у этой истории ноги растут.

– Лева! Ты будешь искать эти ноги при любом раскладе, – жестко проговорил генерал.

– С какого же это перепугу? – ехидно поинтересовался Гуров. – Или ты забыл, что мы со Стасом только в четверг из Тамбова вернулись? Только-только успели отчеты написать?

– Все знаю, все помню! Только чтобы завтра оба в девять часов у меня в кабинете были для встречи с губернатором Чернореченской области! А Володьке я уже позвонил!

– До понедельника потерпит! – огрызнулся Лев.

– Нельзя! – отрезал Орлов. – По-хорошему, нужно было поговорить еще сегодня, но я выторговал завтрашний день, чтобы вы хоть немного отдохнули.

– Ба! Да за него небось похлопотали! – ернически воскликнул Гуров. – И кто же это расстарался? Или прямой приказ сверху?

– Какая тебе разница? – рявкнул генерал. – Был звонок сверху!

– И что? Кроме нашей команды, у тебя больше никого нет? Мы опять крайние? Как ты там нас рекламируешь? «Лучшие из лучших!» А получается, что мы – в каждой бочке затычка!

– Лева! Не зарывайся! – нехорошим тоном предупредил его Орлов.

– А что ты мне сделаешь? – начал заводиться Гуров. – У меня выслуги – выше крыши! Я тебе рапорт об отставке на стол положу, и уже через пять минут меня около наших ворот будет ждать целая очередь просителей. И каждый канючить будет: «Лев Иванович! Я вас прошу, возглавьте в моем банке, концерне, черте, дьяволе службу безопасности!» И деньги мне будут платить настоящие! И по пустякам дергать не будут! И я наконец почувствую себя нормальным человеком! А жену повезу по Мальдивам с Канарами и Сейшелами! Да и сам охотно мир посмотрю!

– Про меня не забудь! – подсказал Стас.

– Вот мне тут Крячко шепчет, что очень охотно пойдет ко мне замом, потому что ему наша служба, что опасна и трудна, тоже уже против шерсти!

– Все, Лева! Хватит! – усталым голосом попросил Орлов. – Выпустил пар, и будя! И я, и ты понимаем, что никуда мы друг от друга не денемся! Ни я вас не брошу, ни вы меня! А звоню я потому, что просили именно вас. Именно вас! – подчеркнул он. – Не только я считаю вас лучшими из лучших, но и наверху тоже!

– Опять чье-то дерьмо разгребать! – буркнул Лев. – Черт с тобой! Приедем! Не потому, что ты тут нам дифирамбы пел, а друга в беде бросать не привыкли, и ты этим беззастенчиво пользуешься! Мы будем у тебя в восемь, а ты к этому времени приготовь все, что у нас есть по Чернореченской области, выясни, кто из уголовников держит город и что собой представляет начальник областной полиции.

– Я уже распорядился, – ответил Петр. – А вы с вещами приезжайте, сразу после совещания вылетите вместе с губернатором на его вертолете.

– Стас! Нас опять ждут великие дела – завтра в Чернореченск вылетаем, – отключив телефон, сказал Гуров. – Но рыбалку, пусть и укороченную, все равно никто не отменял.

Наскоро объяснив женам, о чем шел разговор, они со Стасом ушли на речку, а женщины, включив телевизор, дождались очередного выпуска новостей и, воочию увидев, что произошло, дружно ахнули. Мария тут же достала ноутбук – куда же в наше время без него? – и стала смотреть, что это за Чернореченская область такая, какая там сейчас погода и что мужу с собой собирать.

Эта область в Центральной России оказалась маленькой, но весьма примечательной, в ней, оказывается, не то что теплилась, а просто бурлила жизнь, и ее глава был по итогам прошлого года признан лучшим губернатором страны. Съемки произошедшего уже были выложены в Интернет, но больше всего Марию поразила реакция населения: люди собрались на стихийный митинг на центральной площади, мужчины яростно матерились, а женщины плакали. С импровизированной трибуны через допотопный «матюгальник» звучали призывы к губернатору Порошину и начальнику областной полиции Сафронову принять самые экстренные меры, разобраться в случившемся и наказать виновных. Полиция же стояла безучастно и даже не пыталась разогнать людей, хотя такие вот мероприятия частенько заканчиваются погромами, битьем витрин и сожженными машинами. А может, их спокойствие объяснялось тем, что в толпе было много сурового вида мужчин в камуфляжной форме, с окаменевшими от гнева лицами, которые одним своим появлением рядом с особо разбушевавшимися людьми мгновенно наводили порядок.

– Да что же такое надо было сделать для людей, чтобы весь город, как один человек, за тебя поднялся? – потрясенно спросила жена Стаса, заглядывая Марию через плечо.

А у Маши после всего увиденного на душе кошки заскребли и самые нехорошие предчувствия затерзали. Но вмешиваться в дела мужа и лезть с советами? Нет, этого она себе позволить не могла.

Воскресенье

Из-за преждевременного возвращения в Москву ночная рыбалка превратилась в вечернюю, и, вернувшись с нее, обе пары разъехались по домам. Жена Крячко обычно все лето жила на даче, но мужа нужно было собрать в командировку, так что она поехала с ним. Но, как оказалось утром, и того небольшого времени, проведенного у реки, Стасу хватило, чтобы поясницу прихватило так, что он не мог разогнуться. Поэтому на работе он появился натертый какой-то жутко вонючей мазью и обмотанный шерстяным платком, из-за чего ему пришлось надеть старые брюки – другие на нем не застегнулись бы. Но даже в таком состоянии Крячко нес себя, как хрустальную вазу, и при каждом неудачном движении ойкал и страдальчески морщился. Осторожно сев в кабинете за свой стол, он стал ждать остальных.

Вскоре появился капитан Владимир Владимирович Никитин, ставший немногим более года назад членом их команды. Предчувствуя, что, если его дернули по тревоге, да еще с вещами, значит, предстоит какое-то необыкновенно важное дело, он был полон трудового энтузиазма, а уж глаза горели, словно два прожектора. «Ну, просто ребенок! – подумал при виде него Стас. – А вот нас с Левого эти авралы давно уже не воодушевляют и к трудовым подвигам не зовут! Да и какие трудовые подвиги могут быть у ассенизаторов? Ничего! Жизнь тебя, друг Володенька, пообломает! И глазки погаснут, и энтузиазма поубавится! И поймешь ты, что это просто работа, грязная, трудная, порой кровавая, но ее кто-то должен уметь делать, причем профессионально!»

Последним появился Гуров, который, хоть и просидел большую часть ночи за компьютером, чтобы посмотреть и попытаться понять, куда они едут и чего от этой поездки ждать, и приводил себя в порядок наспех, выглядел тем не менее так, словно собирался выйти с Марией в свет. Впрочем, так он выглядел всегда. А вот настроение у него было самым отвратительным. Внимательнейшим образом изучив очень подробный и профессионально сделанный сайт Чернореченской области, он почувствовал даже некоторую растерянность – жизнь в ней никак не вписывалась в обычную российскую действительность.

Начать с того, что в области существовала параллельная, если так можно выразиться, полиция. Это был не ЧОП, а муниципальное объединение «Наш город», возникшее на основе Союза воинов-интернационалистов, и входили в него люди, прошедшие Афган, Чечню и прочие горячие точки, а также бывшие спецназовцы и десантники. Возглавлял это объединение генерал-лейтенант в отставке Алексей Ильич Поляков. Гуров слышал о нем еще в детстве от отца, под началом которого тот некоторое время служил. Отец говорил, что с таким характером Алексей станет либо Героем СССР, либо лихим бандитом с большой дороги. Поляков стал Героем России, потому что ни одна горячая точка его не миновала, а закончил свою службу в Чечне, где его машина подорвалась на фугасе, и он лишился левой руки и одного глаза, да и второй видел плохо. А теперь вот оказалось, что осел Поляков в Чернореченске. Все работники объединения регулярно проходили диспансеризацию, получали необходимое лечение, а инвалиды обеспечивались всем необходимым для нормальной жизни. Вот и получалось, что это была не только реальная, но и очень серьезная сила, с которой нельзя не считаться, но вот только кому она служила?

В сфере финансов все было просто, как дважды два, то есть имелись всего два банка – Сбербанк и «Черноречье», присутствия крупных московских банков даже близко не наблюдалось.

В этой обделенной нефтью и газом области всю процветало сельское хозяйство, представленное во всем его многообразии, так что все перерабатывающие предприятия работали на полную мощность. Кроме обычной для средней полосы живности и птицы, разводили еще овец и кроликов, шкуры которых шли на переработку, а потом – на швейную фабрику. А та, работая

в две смены, шила из них всякую верхнюю одежду: шубы и шубки всех размеров, душегрейки и тулупы. Вскоре после освоения кожзаводом новых видов переработки сырья, фабрика обещала начать выпуск изделий уже из лайки и цигейки. Имелся также ликеро-водочный завод, выпускавший водку «Черноречье» и разливавший привозимые из Краснодарского края вина и коньяки. Мебельная фабрика производила всю необходимую для жизни области мебель, а реанимированный стекольный завод, некогда славившийся своим хрусталем, делал нехитрую посуду, но в основном витринное стекло, которое расходилось по соседним областям «на ура».

Коммунальное хозяйство, которое по всей стране находилось на уровне значительно ниже уровня канализации, в этой, отдельно взятой области, работало как часы. В городе имелось множество многоуровневых бесплатных автостоянок, а при них, уже платные, СТО и автомойки, так что проблема забитых машинами улиц и дворов была решена кардинально, и любой оставленный в неположенном месте автомобиль тут же увозил на штрафстоянку эвакуатор. Во дворах были оборудованы веселенькие детские площадки и высажены клумбы, а чистенькие баки для мусора имели на боку надписи: «Для стекла», «Для пластика», и все в этом духе.

В Чернореченске не было даже бомжей, которых отловили и рассортировали: тех, за кем водились грешки, – в узилище, больных отправили на лечение, а вот всех остальных – на свалку, то есть приставили ее разбирать, причем официально, с заключением трудовых договоров и сдельной оплатой, которая, за вычетом расходов на проживание, питание и лечение, шла им на книжку. Судя по многочисленным фотографиям, жилось бомжам в старых, то есть отапливаемых еще углем, железнодорожных вагонах неплохо – ведь на свалке чего только нет, да и физиономии у них были сытые и всем довольные. Там за это время уже и семьи создались, и дети родились, которых отправляли в ясли-сад на пятидневку, а в строящихся домах им обещали дать квартиры, кстати, некоторые уже и получили.

Одним словом, в области творилось что-то непонятное, и это не могло не настораживать. Не то чтобы Гуров был отпетым циником, но весь его жизненный и служебный опыт говорил, что так просто не бывает. Ну, не верил Лев Иванович в радетелей за благо человечества! Нет на земле святых, и не будет! Не водятся они тут!

Провожая его утром, Мария, тихонько просидевшая рядом с ним перед компьютером, прижалась к нему и тихо сказала:

– Лева, ты едешь в Зазеркалье, пожалуйста, будь осторожен.

– Маша, не накручивай себя, – поморщился он. – Командировка, как командировка.

– Тогда пообещай мне одну вещь, – попросила она.

– Остаться живым? – усмехнулся Гуров. – Обязательно! – Это было одно из его любимых выражений.

Как ни странно, но короткий разговор с женой оставил в душе очень неприятный осадок – Мария далеко не Кассандра, но зато женщина, а у них – врожденное чувство опасности. Сколько ни гнал от себя Гуров нехорошие предчувствия, избавиться до конца от них так и не смог. Кто-то назвал бы это интуицией, кто-то – верхним чутьем, как у собаки, кто-то – экстрасенсорными способностями, а вот у Гурова название этому было свое – поротая задница! В переносном смысле, конечно! И он прекрасно понимал, что лезут они в такое дерьмо, что как бы в нем не захлебнуться!

Войдя в кабинет, Лев принялся и с большим подозрением уставился на Крячко:

– Это ты благоухаешь?

– Поясницу прихватило, вот и намазала меня жена какой-то гадостью, говорит, должно помочь, – извиняющимся тоном объяснил тот.

– Не вовремя тебя скрутило, – покачал головой Гуров.

– Да ладно тебе! Все сейчас пройдет! – отмахнулся Стас.

Лев с большим сомнением покачал головой и спросил у Никитина:

– Ты в курсе случившегося?

– Да, – кивнул Володя. – Я в Интернете все посмотрел.

– Мне эта история категорически не нравится! – решительно заявил Стас. – Я с компьютером на «вы», но тут и ежику понятно, что при таком раскладе нам, чтобы супостата, если он, конечно, есть, вычислить, нужно на всю оставшуюся жизнь в городке поселиться! Если за мэра весь простой народ горой встал, значит, во врагах у него – власти предержащие, а это и деньги, и связи. В Москве, Питере и так далее все давным-давно поделено, и бизнес рванул в глубинку. А Королев кому-то из пришлых что-то не продал, не отдал, в чем-то не уступил, вот его и решили убрать! – Крячко был потрясающим опером, а вот аналитиком – не очень, так что его выводы в расчет принимать не стоило.

– Вот сейчас и узнаем, что в области творится. Пошли к начальству! – предложил Гуров.

Никитин подскочил резво, как мячик, и Крячко попытался, было, последовать его примеру, чтобы продемонстрировать, что у него все в порядке, но тут же взвыл, на что Лев только вздохнул. Коридоры главка пустыми не бывают никогда, даже утром в воскресенье, так что появление троицы, направлявшейся в кабинет Орлова, не прошло незамеченным, и их провожали кто сочувственными, кто злорадными взглядами – о случае в Чернореченске знали, естественно, все, и понимали, кого теперь туда направят. Когда они вошли в кабинет Петра Николаевича, то сразу поняли, что он сам там и ночевал.

– Кто что хочет, пусть сам себе и готовит, – буркнул генерал.

– Мы все из дома, так что начинай нас озадачивать, – предложил Стас.

Они сели к столу для заседаний, причем Крячко с величайшей осторожностью, и Орлов начал:

– Итак. Смотрящим в Чернореченске – Остапчук Тарас Семенович.

– Ба! Знакомые все лица! – усмехнулся Гуров. – Я же его еще десять лет назад брал.

– Только он три года назад откинулся, и дали ему Чернореченск на кормление.

– За его художества только семь лет? – возмутился Крячко.

– Туберкулез, последняя стадия, жить ему осталось несколько месяцев, – объяснил Орлов.

– Черт с ним! – отмахнулся Гуров. – Только, если потребуется, он и со смертного одра встанет, чтобы мне помочь, – есть у меня на него управа. А генерал тамошний что собой представляет?

– Генерал-майор Сафронов Олег Александрович. Мужик умный, профессионал, все своими ножками снизу доверху протопал. На мой взгляд – порядочный, а уж каким он вам покажется, не знаю. И не стать бы ему ни генералом, ни начальником, если бы не случилась одна некрасивая история. Давайте, я вам все расскажу, а там уж вы сами решайте, кем его считать.

Оказалось, что Сафронов родился в Чернореченске и, закончив после армии местную школу милиции, пошел в органы, а потом уже и заочный юридический институт окончил. Так что работал он в милиции, что называется, при всех царях, и все перипетии жизни в родном городе знал не понаслышке. Когда началось лихое время, в городе было не протолкнуться от всяких банд и бандочек, но были и две ОПГ, которые все никак город поделить не могли. Временами они мирились, а потом, чуть что не так, опять хватались за стволы. Так что кровь в Чернореченске лилась рекой, а уж беспредел творился ничуть не меньше, чем в криминальной столице тогдашней России – славном городе Санкт-Петербурге, хотя немного пожиже, потому что размах не тот. А начальником управления внутренних дел был человек, которого чуть ли не в глаза называли «шкурой продажной», но он знал, с кем и чем делиться, вот его сверху и не трогали. Неизвестно, сколько бы он еще проработал, но посетил его неожиданный визитер по имени «инсульт», на том его карьера и кончилась. На его место прислали из Москвы молодого и ретивого.

– Родственничка? – хмыкнул Лев.

– Кого же еще! – криво усмехнулся Орлов. – И объявил этот сосунок на совещании войну криминалу не на жизнь, а на смерть!

– Только вот забыл уточнить, на чью именно смерть, – заметил Стас. – Я, кажется, начинаю что-то вспоминать.

– Я тоже, – поддержал его Гуров.

– Ну, тогда я Володьке расскажу – ему же с вами ехать. Короче, не успел этот родственничек воцариться, как получили они агентурную информацию, что эти две ОПГ забили стрелку в районе центрального рынка. И решил этот самонадеянный недоумок их там взять. Сафронов, он тогда был полковником и его замом, горло себе сорвал, объясняя этому молокососу, что нельзя там операцию проводить, что гражданские лица пострадать могут, а этот идиот уперся, и все! Славы ему, кретину, захотелось! Разработал он единолично план операции, а служивые хоть и понимали, что дурь это несусветная, а куда деваться? Приказ есть приказ!

– А откуда этот родственничек взялся? Он, вообще, оперативную работу хотя бы нюхал? – поинтересовался Крячко.

– Из академии, – ответил Орлов.

– Ну, тогда он, конечно, спец! – воскликнул Стас и, неудачно откинувшись на спинку стула, замер, и только скрипнул зубами под сочувственными взглядами коллег.

– Сафронов понимал, чья голова в случае неудачи полетит – родственничка-то из-под удара выведут, и все шишки достанутся ему! А поскольку спасение утопающих – дело рук самих утопающих, он решил подстраховаться и положил на стол этому молокососу очень обстоятельную служебную записку, в которой подробно объяснил, почему эту операцию нельзя проводить ни в коем случае. Тот ее прочитал и заржал! А Сафронов ему на это совершенно серьезно сказал, что, мол, я вам, товарищ генерал, официальную бумагу на стол положил, вот и прошу такую же официальную визу на нее наложить. Этот сопляк действительно наложил визу: «Дурак и перестраховщик!», а потом расписался и число поставил! И еще добавил при этом: «Никогда тебе, полковник, генералом не быть! Уж слишком ты труслив!»

– Ошибся сопляк, – заметил Гуров.

– Да, но какой ценой Сафронову его генеральские погоны достались, – покачал головой Орлов и стал рассказывать дальше: – В общем, получилось все так, как он и предполагал. Бандюки сторожей выставили, и когда те автобусы с ОМОНОм увидели, тут же сигнал тревоги подали. Вот бандиты и рванули в толпу, а день выходной был, народу на рынке полно. Наши за ними, а толку? Они же стрелять права не имеют, потому что в гражданских могут попасть, а вот бандюкам отстреливаться никто не запрещал. Только ОМОН-то в экипировке, а вот остальные? Одиннадцать человек тогда город похоронил, это не считая раненых. Приехала комиссия, в составе которой был и я. Крайним, естественно, сделали Сафронова. Вы меня знаете и не удивитесь, что тогда я единственный был против такого расклада, понимая, что не мог опытный мент так лопухнуться! Остальные тоже понимали, только помалкивали. Главой нашей комиссии был... Хотя, какая теперь разница, кто это был! Он уже умер, а о покойниках либо хорошо, либо никак! В общем, вызвал он Сафронова и начал его прилюдно мордовать! Чего он ему только не говорил, а тот стоит с каменным лицом и даже глазом не моргнет. А на вопрос: «Что вы можете сказать в свое оправдание?» – положил на стол свою служебную записку с визой этого щенка!

– Думаю, что ксерокопию, – предположил Гуров.

– Естественно! Не дурак же он! Только копия была нотариально заверена! – заметил Орлов.

– То есть нотариус все прочитал, а от него о содержании документа уже весь город знал и понимал, кто всю эту кашу заварил, – понял Стас.

– Вот именно! – подтвердил генерал. – Тут-то все они и пригорюнились! И куда только матерные выражения с оскорблениями делись, которыми Сафронова с ног до головы обвешали,

как новогоднюю елку шарами! А он совершенно спокойно добавил: «А еще господин начальник Чернореченского управления внутренних дел сказал, что не быть мне никогда генералом, потому что я очень труслив». То есть сразу обозначил, чего он хочет, и вежливо поинтересовался, может ли он быть свободным. Дело тогда хоть и с трудом, но замяли, а Сафронов стал начальником управления и генерал-майором, которым до сей поры и является. А что о нем думать, решайте сами.

– Оригинал-то он вернул? – спросил Стас.

– Нет, так у себя и держит, хотя толку ему от него сейчас уже, считай, никакого – ему же через два месяца шестьдесят стукнет, а там – вперед, и на пенсию.

– А этот соплик куда делся? – поинтересовался Гуров.

– Вернулся в академию и преподает, хотя лично я представления не имею, чему он людей научить может, – ответил Орлов.

– И одиннадцать трупов сошло ему с рук! – гневно воскликнул Стас.

– А ОПГ куда делись? – продолжал свои расспросы Лев.

– Ну, с ними уже сам Сафронов по-умному разобрался.

– А как там сейчас криминогенная обстановка?

– Смотри, – протянул Гуров папку генерал. – Сафронов по всем показателям первый в России.

Лев и подскочивший к нему Никитин посмотрели бумаги, Крячко подняться со стула не решился.

– У него что, волшебная палочка есть? – недоуменно спросил Гуров.

– Вот на месте и разберешься, что у него есть, а чего у него нет, – устало ответил Орлов.

В этот момент зазвонил внутренний телефон, и генералу доложили, что к нему прибыл губернатор Чернореченской области Николай Андреевич Порошин.

– Проводите его ко мне, – распорядился Орлов и, посмотрев на часы, удивленно протянул: – Что-то он с опережением графика прибыл.

– Значит, земля под ногами горит, – заметил Крячко.

Пока Порошин поднимался, Гуров с Никитиным просмотрели документы, и Лев, протянув один из листков Крячко, ткнул пальцем в заинтересовавший его абзац:

– Вот это мне категорически не нравится!

– И мне тоже! – хмуро кивнул Крячко.

Они успели просмотреть все бумаги, когда раздался стук в дверь и в кабинет вошел мужчина лет шестидесяти, который из всех сил старался выглядеть значительным. Увидев его, Гуров со Стасом недоуменно переглянулись – этот человек, с вялым, безвольным подбородком, невыразительными глазами и суетливыми руками, был явно не боец и никак не тянул на звание лучшего губернатора страны, хотя его область по всем показателям считалась одной из первых в России.

– Присаживайтесь, Николай Андреевич! – пригласил Порошина Орлов. – И хочу вам сразу представить полковников Льва Ивановича Гурова и Станислава Васильевича Крячко, а также капитана Владимира Владимировича Никитина. Пожалуйста, введите их в курс дела.

Все трое усадились на Порошина, демонстрируя готовность слушать, и тот приступил к рассказу, причем говорил как привыкший к выступлениям человек – хорошо поставленным голосом, округлыми, законченными фразами.

– Господа офицеры! Прискорбный случай, который произошел с мэром города и его заместителем, не имеет прецедентов в России, и вам необходимо в кратчайшие сроки разобраться, что же именно произошло. Был ли это несчастный случай, вызванный халатностью рабочих или бракованными стройматериалами, попытка умышленного убийства, или мы, к сожалению, имеем террористический акт, направленный на дестабилизацию ситуации в городе и области.

– Стоп! – решительно вмешался Гуров, и Порошин возмущенно на него уставился, да вот только возмущение было деланым, потому что в глубине его глаз плескался не то что страх, а самый настоящий ужас. – У экспертов было достаточно времени, чтобы выяснить, чем вызвано обрушение части козырька: браком железобетонной плиты или взрывами точечных зарядов, которые ее раскололи. Так что это было?

– Экспертиза еще не закончена, – ответил Порошин.

– Так что же вы раньше времени во все колокола ударили? В Москву приехали? – удивился Гуров. – Может, имело смысл результатов дожидаться? И уже тогда, если это действительно была попытка спланированного убийства, к нам обращаться?

Порошин просяще посмотрел на Орлова, безмолвно призывая того вмешаться и навести порядок в собственном хозяйстве, но генерал и ухом не повел, а Лев между тем продолжал:

– А ведь ситуация проста, как апельсин! И, чтобы понять, что у вас в области творится, достаточно посмотреть Интернет и на вас. Вы, голубчик, зитц-председатель! Вы только щеки надуваете и в Москву на совещания летаете, а реально областью руководит именно Королев, это благодаря ему вы в лучшие губернаторы страны просвистели! И люди это знают, иначе не вышли бы на улицы! Тут возникает вопрос, а почему вы отдали власть в его руки? Я его биографию посмотрел – он наш, из ментов. А раз выше майора не поднялся, значит, высоких покровителей у него не было! И тут вдруг, едва вас назначили губернатором, как он, уйдя из милиции, становится мэром. Вывод напрашивается сам собой: не могли вы ему отказать! Руки у вас связаны, потому что держит вас Королев за горло мертвой хваткой, используя какой-то компромат. И теперь, когда на Королева, предположим, совершено покушение, вы до ужаса боитесь, что, если он умрет, этот компромат выплывет наружу, потому что он наверняка подстраховался, и лежит этот компромат у его доверенного человека, а в случае его смерти жакнет так, что от вас мокрого места не останется! Вот и молитесь вы сейчас всем богам, чтобы это несчастный случай оказался! А уж если это действительно было покушение на убийство – чтобы полиция максимально быстро истинного виновника нашла, и тогда у вас появится шанс уцелеть. Вы и «прилопушили» в Москву, и покровителю своему здешнему в ноги кинулись – спасай, мол! Покровитель у вас точно есть, потому что в губернаторское кресло попасть – это не в сортире на толчок сесть. А уже покровитель нашего генерала Орлова за горло взял – вынь да положь ему самых что ни на есть опытных и отчаянных, которые голову свою готовы положить за вашу, губернаторскую, безупречную репутацию, лиходея вычислив! Но ведь у вас еще одна мыслишка в голове бродит: а не пристегнуть ли этих сыскарей к тому, чтобы они еще и компромат припрятанный отыскали и вам отдали, чтобы шли вы дальше по жизни с высоко поднятой головой и честным-пречестным взглядом! Да вот только того вы со своим покровителем не учли, что генерала Орлова за горло взять можете, а вот нас с Крячко – нет! Нас вы можете только просить! Поэтому вы сейчас простым русским языком нам расскажете, что на самом деле произошло, в чем заключается компромат, и все остальное! А потом мы будем думать, соглашаться или нет! Начинайте!

– Да что вы себе позволяете? – вспомнив о том, что он все-таки лучший губернатор страны, взвизгнул Порошин, слушавший до этого отповедь Гурова с открытым ртом и выпученными глазами – видимо, его еще никогда в жизни никто так мордой по столу не возил.

– Ну, Петр Николаевич, мы тогда пошли, – поднялся с места Гуров.

– Иди, Лева! – согласился Орлов. – Извини, что в выходной побеспокоил. Отдыхайте себе дальше.

Поняв, что никто не шутит, Порошин разом сник, спал с лица и вообще стал сильно напоминать мокрого помойного кота.

– Хорошо! – тихо сказал он. – Я вам все расскажу. Это произошло двадцать лет назад. Я тогда был простым заведомом в нашей областной администрации, мой сын Вадим учился в местном университете, а Королев работал в милиции. И вот на одну из студенческих вечеринок

кто-то принес наркотики. Они их почти все попробовали, тормоза сорвало, и понеслось! В общем, одну из девушек, которая не стала пробовать наркотики и отказалась участвовать в так называемом веселье, они, разгоряченные еще и ее сопротивлением, изнасиловали... Можно, я не буду говорить, как именно? – просительно произнес он.

– Да и так понятно, – севшим от ярости голосом процедил Стас. – Девочка хоть жива осталась?

– Да-да! Она жива! – быстро-быстро закивал Порошин. – Когда их «веселье», – горько усмехнулся он, – было в самом разгаре, кто-то из соседей вызвал милицию. А поскольку из квартиры доносилась не только громкая музыка, но и самые разные крики, в том числе и призывы о помощи, они вышибли дверь и застали эту картину во всей ее красе: голые парни с девчонками, бутылки, орущая музыка и эта бедная девочка. Ее тут же отвезли в больницу, а всю компанию – в отделение. Я обо всем узнал только утром и тут же бросился бить челом к руководству, плакал, только что на коленях не стоял и... В общем, начальнику областного управления позвонили, тот дал команду, и дело закрыли, как будто ничего и не было. Я не буду вам говорить, сколько мы, родители этих придурков, заплатили, чтобы замять этот инцидент, и родителям девочки на ее лечение, и отступные – у нее еще и младший брат-инвалид был. Лично мы с женой продали и дачу, и машину, и все золото, что у нас было, вплоть до обручальных колец.

– Дело вел Королев? – спросил Гуров.

– Да! – кивнул Порошин. – Но хоть дело и закрыли, шум в Чернореченске был очень большой, и имена этих придурков были у всех на слуху, в них только что пальцем не тыкали, так что я отправил Вадима от греха подальше к нашим родственникам в Москву, да и остальные родители своих спровадили кого куда. Кстати, семья этой девочки тоже из города уехала. Ее отец – он у нас в университете преподавал, так и не смог оправиться после удара и умер от инфаркта. Ее брату, больному бронхиальной астмой, от всех этих потрясений стало совсем плохо – приступ за приступом, так что после похорон отца, когда девочку уже из больницы выписали, они продали свою кооперативную квартиру, уехали куда-то и с тех пор в Чернореченске не появлялись.

– И где же сейчас ваш доблестный сынок? – недобро спросил Стас.

– Видите ли, у моей жены есть сестра, и она замужем за... – тут Порошин назвал фамилию, услышав которую Крячко невольно присвистнул – это был человек из окружения президента. – У них нет своих детей, и они любят Вадима как родного. Именно к ним я его тогда и отправил, вот он сейчас вместе со своим дядей и работает.

– В администрации президента? – переспросил Стас, явно не веря своим ушам.

– Ну, да! – потупившись, ответил Порошин.

– Ладно, это сейчас несущественно, – заметил Гуров и поинтересовался: – Так что же вы к своему благодетелю не кинулись, чтобы он помог вам от Королева избавиться?

– Потому что эта история способна скомпрометировать его еще больше, чем меня, – там ведь тоже очень непростые отношения, и врагов у него более чем достаточно, – объяснил Порошин.

– Ну, прямо как на зоне – не повернись спиной, – покачал головой Крячко.

– В чем именно заключается компромат? – спросил Лев.

– Видеокассета. У кого-то из этих идиотов хватило ума запечатлеть свои подвиги, – дрожащим голосом ответил Порошин. – Королев тогда изыал ее во время обыска, и там ясно видно, что одним из насильников был Вадим. А потом там еще чистосердечные признания всех остальных – их же не на следующее утро выпустили, время какое-то прошло.

– То есть Королеву дали команду все уничтожить, но не проконтролировали, а он взял и приберег. Вот и пригодилось, – заметил Стас.

– Итак, вы сделали его мэром, что дальше? – продолжал Гуров.

– А дальше то, что если ничего не изменится, то в ближайшее время меня должны забрать в Москву и...

– Королев теперь хочет сесть в ваше кресло, чтобы уже официально руководить областью, и вы должны уговорить вашего родственника всячески этому поспособствовать, так? – подхватил Гуров, и Порошин согласно кивнул. – Ну а если в Думе пройдет закон о выборах губернатора, то, судя по Интернету, за него народ проголосует единогласно.

– Да никто не против! – чуть не взвыл Порошин. – Пусть правит, сколько и как ему нравится! Но тут случилось это происшествие, к которому я, клянусь, не имею никакого отношения. А я ума не приложу, кто еще в курсе этой истории с видеокассетой и показаниями, у кого все это находится, сколько там копий, кто мне теперь будет выдвигать требования и какие. Все! Больше мне вам сказать нечего!

– Ошибаетесь! – жестко произнес Гуров. – Вы забыли упомянуть, прозвенел ли уже первый звонок или нет?

– Да! – тусклым голосом, глядя в пол, признался Порошин. – Мне позвонил какой-то мужчина и сказал: «Молись изо всех сил, чтобы это был несчастный случай, а то я всем вам такую жизнь устрою, что сами в петлю ползете!» Я начал кричать, что я здесь совершенно ни при чем, а он мне на это – тогда найди того, кто при чем. Дал сроку одну неделю и трубку бросил.

– Голос этого человека вам хоть кого-нибудь напоминает? – спросил Лев.

– Вы знаете, я был в таком ужасе, что вообще ничего не соображал, – признался Порошин. – Даже голос собственной жены не узнал бы.

– И вы рванули в Москву спасать собственную задницу, как говорят в американских фильмах, – подытожил Крячко.

– Я предлагаю для начала подождать заключения экспертов, – предложил Гуров.

– Письменного еще нет, но они отзвонились как раз перед вашим приходом, – сказал Орлов. – Там поработал очень опытный подрывник. Это были, как ты, Лева, и предполагал, точечные заряды, установленные в тех местах, где плиты козырька опирались на колонны. Наши эксперты от восхищения только руками развели – работа мастера экстра-класса. Это же надо было все так точно рассчитать! Причем установили их где-то месяца три назад.

– А как подрывали? – поинтересовался Гуров.

– Радиосигнал – и все!

– Я здесь ни при чем! – снова заверещал Порошин.

– Да помолчите вы! – грубо отмахнулся от него Орлов.

– Итак, что мы имеем, – начал вслух рассуждать Гуров. – Videокассета и все остальное, естественно, заныканы в самом неожиданном месте, о котором никто даже подумать не сможет. Такой опытный человек, как Королев, даже своим ближайшим сподвижникам на это место даже не намекнул – береженого бог бережет! Значит, оперировал он копией, причем она у него только одна, потому что одну и прятать легче. А вот когда их несколько, то, попади какая-нибудь из них в чужие руки, возможны самые неожиданные варианты. Только вот копия – это вам не оригинал!

– Это для суда аргумент, – возразил ему Стас. – А если выложить все это с соответствующими комментариями в Интернет, там доказывать никому ничего не надо. С видеокассеты изображение можно перекинуть на что угодно. Вот вам, губернатор, Королев что тогда показывал?

– Диск, – мрачно ответил тот. – Он пришел, сказал, чего хочет, и его на стол положил. А еще посоветовал собрать всех остальных и дружно посмотреть.

– Ну и как? Посмотрели? Так поделитесь впечатлениями! – язвительно попросил Стас.

– Да что вы надо мной издеваетесь? – зарыдал Порошин. – Да! Посмотрели мы, что наши идиоты натворили! А потом все дружно нажрались вдрабадан! Потому что душа такое не принимает!

– Значит, если так можно выразиться, доил Королев не только вас, но и остальных?

– Да, и не только нас пятерых, но подробностей я не знаю.

– Так, может, это кто-то из них устроил?

– Представления не имею! Знаю только, что очень многие оказывают спонсорскую помощь разным созданным при мэрии общественным организациям, школам, детсадам и так далее, а имеет он сам с этого что-то или нет... – Губернатор развел руками. – Некоторые просто работают на него, причем, как вы понимаете, честно, – немного успокоившись, добавил он.

– Естественно, честно, – хмыкнул Стас. – Они же знают, чем рискуют.

– Вот и получается, что нам всем нет никакого смысла на него покушаться, а мне – особенно.

– Так что же для вас важнее: чтобы мы преступника нашли или компромат? – напрямую спросил Гуров.

Опустив глаза, Порошин довольно долго молчал, а потом выдал из себя:

– Компромат.

– Тогда у меня последний вопрос: если вы переезжаете в Москву, а Королев вместо вас не становится губернатором, то кто? – спросил Гуров.

– Вообще-то, кандидатура Королева уже согласована в Москве, хотя в городе об этом знают пока очень немногие. Но вот если он, не дай бог, умрет, тогда, что в Чернореченске, что в Москве, начнется такая грызня, что мало никому не покажется, – ответил Порошин.

– Петр, ты не узнавал, как состояние Королева? – поинтересовался Стас.

– В Чернореченск по личному распоряжению одного очень высокопоставленного лица, – выразительно посмотрел в сторону Порошина Орлов, – вылетела такая бригада врачей, что они и мертвого способны поднять.

– Господи! Ну, сделай же ты так, чтобы он выжил! – опять чуть не зарыдал Порошин.

– Ладно, все основное выяснили, а остальное – на месте, – подвел черту Гуров.

– Ну, что, поехали? – спросил Стас.

– Я поеду с Володей, куда тебе сейчас с твоей поясницей, – ответил Лев.

– Я тебя одного туда не пущу! – вскакивая, заорал Крячко и тут же, согнувшись в три погибели, взвыл: – У-ёёё!

– Вот и я о том же, – невозмутимо заметил Гуров. – Да и потом, пора Никитину из коротких штанишек вылезать – ну, сколько мы его еще в подмастерьях держать будем?

– Вот пусть он здесь, в Москве, и кувыркается в одиночку под нашим присмотром, пока опыта не наберется, а там, где ты будешь практически один, кто тебе спину прикроет? – не унимался Стас.

– Ну, зачем вы так, Станислав Васильевич? – покраснев чуть ли не до слез, воскликнул Никитин. – Неужели вы думаете, что я допущу, чтобы с Львом Ивановичем что-нибудь плохое случилось?

– Дурак ты, Вовка, и уши у тебя холодные, – отмахнулся от него Крячко. – Да Гуров в любой ситуации, как кошка, на четыре лапы встанет, а вот ты своими четырьмя лапами в какое-нибудь такое дерьмо вляпаешься, что Лева, тебя оттуда вытаскивая, сам подставится! Защитничек!

– Пау! Я все сказал! – Гуров поднялся со стула, показывая, что вопрос решен и дальнейшее обсуждение бесполезно. – Николай Андреевич, генерал Орлов сказал, что мы вылетаем на вашем вертолете, вот вы и отправляйтесь на аэродром, а мы чуть позже к вам присоединимся.

Обрадованный Порошин только что не подпрыгнул, а Лев обратился к Орлову:

– Петр, ты уж озаботься, чтобы местное управление нам всяческое содействие оказывало, но со своей инициативой не лезло и с вопросами не приставало.

– Сделаю! – твердо пообещал тот, и было видно, что у него прямо камень с души свалился.

– Ну, мы тогда пойдем пошепчемся, а потом – в путь.

Гуров со Стасом и Володией ушел в свой кабинет, и Орлов остался один. Как же паршиво ему сейчас было! Он-то не Никитин, он прекрасно понимал, что творится в Чернореченске! И то, что он, смалодушничав, не смог твердо сказать «нет» и отправил туда Леву, да еще практически без прикрытия – Никитин не в счет, он только обузой будет, – давило на него так, что и сердце защемило, и в затылок вступило – годы, сердце, давление! А самое главное – совесть, от которой никуда не денешься и не спрячешься! И она ему открытым текстом говорила: «Сволочь ты, Орлов! Как же ты мог так друга подставить? Ну, и как ты будешь жить, если слевой что-нибудь случится? И сможешь ли жить вообще?» Петр расстегнул воротник рубашки, выпил лекарство и, откинувшись в кресле, повернулся так, чтобы воздух из кондиционера шел прямо на него. «Начать молиться, что ли? – подумал он. – Только как? Я же не умею!»

А в кабинете тем временем шел инструктаж.

– Слушай меня внимательно, Володя, и запоминай все с первого раза, потому что у меня просто может не быть возможности тебе еще раз что-то повторить. Я пока не знаю, что нас там ждет. Что-то из моих предположений и опасений может оправдаться, а что-то – нет, поэтому я стараюсь предусмотреть все. Если ты все внимательно и вдумчиво посмотрел в Интернете, то должен понимать, что мы с тобой едем работать на минное поле. Шаг в сторону – и неминуемая смерть. Поэтому четко уясни для себя: у нас там нет и не может быть друзей, товарищей или союзников. Ни среди наших, ни среди чекистов, ни среди работников городской или областной администрации, ни среди кого бы то ни было. Есть только люди, которые обладают определенной информацией, и твоя задача сделать все, чтобы они с тобой этой информацией поделились или выполнили то, что мы им поручим. Я только в Интернете покопался, на этого слизняка посмотрел и сразу же понял расклад в области и городе. А вот те, кто там живет и работает, все видят своими глазами и прекрасно понимают, что Королев имеет неубиенный компромат на Порошина и всех остальных, и этим держит их в руках. Сейчас, когда Королев в больнице, за этим компроматом идет такая охота, что только пух и перья летят. И каждый норовит первым до добычи добраться, и правил в этой драке нет, потому что на кону стоит не только область, но и возможность влиять на кое-кого в окружении президента. Поэтому вот это, – постучал по столу Лев, – последнее место, где мы с тобой можем откровенно поговорить. А вот в Чернореченске и тот кабинет, что нам выделяют для работы, и номер в гостинице будут и прослушиваться, и просматриваться, поэтому там никаких разговоров по делу вестись не должно. Общаться будем вне помещений, причем не вздумай со мной о чем-нибудь заговорить, пока я сам не начну. Я ложной скромностью не страдаю и знаю, какая обо мне слава по стране идет.

– Что хватка у вас мертвая и вы всегда своего добиваетесь, – усмехнулся Никитин.

– Вот именно! Поэтому следить за мной будут денно и нощно, чтобы попытаться предугадать мой последний шаг к цели и опередить.

– То есть, может быть, и убить? – дрогнувшим голосом спросил Володя.

– Не «может быть», а обязательно, – поправил его Гуров. – Потому что наши соперники понимают, что я не столько преступника буду искать, сколько компромат на Порошина и остальных, тем более что мы все вместе на его вертолете прилетим.

– Я все понял, – кивнул Никитин.

– Ты еще ничего не понял, потому что я еще ничего не сказал по существу, – жестко продолжал Гуров. – Итак, по приезде я четко определяю круг твоих обязанностей, и упаси тебя боже даже попытаться перейти через него, потому что этим ты можешь подставить меня.

Я понимаю, что ты будешь делать это из самых лучших побуждений, но ведь все равно подставишь. Поэтому действуешь четко в рамках инструкций. Дальше, со мной такой номер не пройдет, а вот тебе попытаются подставить бабу. Я не имею в виду старую и толстую торговку с базара, а молоденькую, симпатичную, и повод для знакомства придумают такой, что не придерешься, но ты должен помнить, что ты на территории врага, и держать ухо востро. Вот, например, идешь по улице и вдруг видишь, как пьяный хулиган к девушке пристаёт. Что ты будешь делать?

– Ну, вмешаюсь, конечно, – недоуменно ответил Володя.

– Слушай, Стас, а может, лучше его действительно здесь оставить? – задумчиво спросил Лев. – У меня же там от него, кроме головной боли, ничего не получится.

– Вот и я тебе о том же! – поддержал его Крячко. – Рано ему еще в таких делах участвовать!

– Да что я не так сказал? – чуть не взвыл Никитин.

– Да все! – рявкнул на него Стас. – Тебе русским языком было сказано – ты на территории врага! И в этом случае тебе нужно всего лишь набрать коротенький номер «ноль-два», после чего очень громко сказать, что на твоих глазах совершается преступление! И будь уверен, что после этого ни хулигана, ни девушки даже близко не окажется! Растворятся, как дым, как утренний туман! А вот если ты вмешаешься, то хулиган, конечно, убежит, предварительно тебе наcostылав, а девушка вцепится в тебя, своего спасителя, мертвой хваткой, и ты от нее уже не отделаешься. Она потащит тебя к себе домой, чтобы оказать первую помощь, постирать рубашку и так далее, и тому подобное. Ты будешь мямлить и отнекиваться, а она плакать счастливыми слезами, тянуть тебя за руку и все такое до тех пор, пока ты не сдашься и не пойдешь с ней, потому что грубо послать ее далеко и надолго, а этот единственный вариант в данном случае, тебе воспитание не позволит. А уж как женщины умеют из мужика информацию выуживать, дай бог тебе подольше не знать!

– Вообще-то, я был женат, – хмуро заметил Володя.

– Значит, этот горький опыт тебя ничему не научил, – буркнул Крячко.

– Я все понял! Я ни во что вмешиваться не буду! – торопливо заговорил Никитин. – Буду действовать строго в соответствии с инструкциями, без всякой самостоятельности.

– Посмотрим, – вздохнул Гуров. – Дальше. Я знаю, ты иногда покуливаешь. Так вот, будешь время от времени выходить в курилку, на лестничную площадку... В общем, туда, где курят, чтобы нас уже совсем бирюками не считали. С тобой, естественно, познакомятся и начнут расспрашивать о том о сем. Скажешь, что я тебя с собой взял исключительно потому, что Крячко заболел, а мне нужен человек на подхвате, типа подай-прими. Будешь бурчать, что я тебя держу в черном теле, до серьезной работы не допускаю – мол, соплив еще. Но бурчать будешь в меру, потому что к тебе не дураков подведут, и, если ты начнешь крыть меня последними словами, они тут же поймут, что это подстава, потому что не стану я держать возле себя человека, который ко мне так относится.

– А дифирамбы петь можешь сколько угодно – лишним ничего не будет, – вставил Стас.

– А вот информацию... – начал Гуров.

– Точнее, дезинформацию, – поправил его Крячко.

– Ладно, пусть так, – согласился тот. – Так вот, ее ты будешь давать строго дозированно, и только ту, которую я тебе разрешу. Пьянки-гулянки невозможны по определению – если тебе чего-нибудь сыпанут и потом заснимут в голом виде с бабой на коленях, мне это ни к чему, да и тебе тоже, а самое главное, это всерьез помешает делу.

– Теперь самое-самое главное, а точнее, основное, – вздохнул Гуров и посмотрел на Крячко. Поняв, о чем сейчас пойдет речь, тот тоже вздохнул и понурился. – Когда-то у нас со Стасом был ученик. Он погиб. Формально нашей вины в его смерти нет, но вот тут, – приложил руку к груди Лев, – навсегда осталось такое чувство, словно это мы его убили. Значит, не всему

мы его научили, чему было надо, не до конца подготовили, что-то недодали, недосказали. И после этого мы дали себе слово, что больше никогда учеников брать не будем. Но нарушили его ради тебя. И поэтому, если ты погибнешь, получится, что, не знаю, как Стас, а вот я свою жизнь прожил зря! Поэтому тебе теперь уже даже не инструкция, а прямой приказ: как хочешь, но останься живым! Не рискуй жизнью! Будь осторожен и, еще более главное, не бросайся спасать меня, что бы ни случилось. Я уже сбился со счета, сколько раз меня пытались убить, но до сих пор как-то обходилось, а вот если ты рванешь мне на выручку, то вполне можешь подставить под пулю, потому что тогда я буду уже не о собственной безопасности думать, а о том, как тебя уберечь. Ты все понял?

– Я все понял, – твердо ответил Володя.

Гуров и Никитин достали из сейфа пистолеты с наплечной кобурой, а Лев еще и запасной телефон с зарядным устройством. Он проверил сотовый и, убедившись, что тот в рабочем состоянии, сказал Крячко:

– В случае чего, звонить будешь на этот, и я тебе с него же. До вечера он продержится, а потом я его заряжу. – Крячко согласно кивнул, и Гуров, вставая, завершил разговор: – Ну, раз так, то по коням.

– Я вас сейчас провожу, а завтра прямо с утра к врачам. Пусть делают с моей поясницей что хотят, но вернут мне возможность нормально двигаться, – решительно заявил Стас, со стоном поднимаясь со стула.

В вертолете Порошин, как и положено руководителю в присутствии подчиненных, обрел былой начальственный вид, а Никитин с интересом смотрел вниз на землю. Гуров же сидел, вытянув свои длинные ноги, с закрытыми глазами, и вовсе не думал о предстоящем деле волновали его – он просто-напросто спал, и не только потому, что не успел выспаться, но и потому, что, когда начнется настоящая работа, будет не до сна.

В аэропорту их уже ждали. Когда они приземлились и спустились на землю, там уже стояли и машина губернатора с сопровождением, и машина начальника областного управления внутренних дел, да и он сам присутствовал, сияя самой радушной улыбкой.

– Познакомьтесь, генерал, это полковник Гуров Лев Иванович, – сказал Порошин – о капитане Никитине он как-то начисто забыл, да и стоит ли тот его губернаторского внимания? – Ну-с, господин полковник, я оставляю вас в надежных руках нашего генерала, а у меня, извините, дела, но я присоединюсь к вам попозже. В случае необходимости прошу обращаться ко мне немедленно по любым вопросам и лично, и по телефону. – Он протянул Гурову визитку, которую тот небрежно сунул в карман, буркнув при этом:

– Обязательно, – и повернулся к генералу.

– Наслышаны! – радостно приветствовал тот Гурова. – Да вот жаль, что по такому грустному поводу познакомиться пришлось, – и представился: – Генерал-майор Сафронов Олег Александрович. – После традиционного рукопожатия он приглашающим жестом указал на свой «Мерседес». – Прощу! А вот капитан Никитин, если вы, Лев Иванович, не возражаете, вместе с вашими вещами во второй машине поедет.

– Возражаю! – резко ответил Гуров, и Сафронов удивленно посмотрел на него. – Нас с вами, генерал, объединило очень непростое дело, так что не погоду в Москве мы будем обсуждать, а именно его. Но так как я с детства не люблю играть в испорченный телефончик, то совсем не горю желанием пересказывать потом капитану наш разговор.

– Как скажете, – согласился генерал.

Покрасневший до корней волос Никитин занял переднее сиденье рядом с водителем, который был почему-то в штатском, а Гуров с генералом сели сзади.

– Вы как хотите? Сначала в гостиницу, а потом в управление, или наоборот? – спросил Сафронов.

- А где вы собираетесь нас поселить? – поинтересовался Лев.
- Есть гостевой домик за городом, можно люкс в «Центральной», можно...
- Домик за городом – это, конечно, хорошо, но так мы потеряем кучу времени на разъезды, а люкс мне никто не оплатит, – усмехнулся Гуров.
- Полковник! – укоризненно сказал генерал, намекая на то, что уж они сами как-нибудь.
- Генерал! Если вы обо мне наслышаны, то должны знать, что подарков я не принимаю ни в каком виде, так что организуйте нам нормальный двухместный номер в какой-нибудь приличной гостинице рядом с управлением, и достаточно.
- Хорошо, Лев Иванович, – согласился Сафронов. – Что-нибудь еще?
- Да, машина нам потребуется на первое время с водителем – город-то незнакомый, а посмотреть нужно будет многое.
- Считайте, что она уже ждет вас возле подъезда, – заверил его генерал.
- Кроме того, я хотел бы ознакомиться с заключением экспертов, со всеми съемками с места происшествия за последние четыре месяца – я так понял, что журналисты постоянно сопровождали Королева во время его инспекционных поездок по городу, вот и давайте мне все, что найдется по этой стройке. А также все уголовные дела, которые вел Королев с самого начала своей работы, и если вдруг что-то сохранилось, то материалы доследственных проверок. Я, конечно, знаю, что они в архиве только три года хранятся, но вдруг что-то случайно уцелело.
- Только не в нашем архиве, – усмехнулся Сафронов и в ответ на удивленный взгляд Льва Ивановича объяснил: – У нас там Пахомыч работает. Порядок у него идеальный, а главное, он все материалы доследственных проверок хранит черт знает с какого года. Приказы на уничтожение и я, и предшественники мои регулярно подписывали, а он все это не уничтожал, как положено, а в отдельное помещение складывал. Когда я это обнаружил, то сказал ему, что это нарушение, а он мне в ответ – выкинуть легче легкого, а вот, когда припечет, куда кинемся, где искать будем? Потому что нет человека без прошлого, у него всегда что-нибудь за спиной да имеется! Спорить я ним не стал. Да и как мне с ним спорить, если он в свое время меня, сопляка, пришедшего в органы сразу после школы милиции, ремеслу учил? Его же в архив после серьезного ранения перевели! А опером он был классным, и память у него лучше, чем у молодого! Он, можно сказать, живая энциклопедия всей криминальной жизни Чернореченска.
- Ну, и что ваш мудрый Пахомыч сейчас говорит?
- Как всегда – что в прошлом надо следы искать. Только это мы и без него знаем, – вздохнул генерал.
- Ладно. Разберемся, – коротко произнес Гуров и тут же спросил: – Вы пытались определить место, откуда был послан сигнал?
- Лев Иванович, это нереально, – удивился Сафронов. – Это могли сделать откуда угодно. Такие устройства работают на частоте 433 мегагерца на расстоянии полкилометра, а если антенна хорошая, то и больше.
- Да-да, – вздохнув, согласился с ним Гуров.
- Я сказал что-то не то? – всполошился генерал.
- Нет, это я своим мыслям. Кстати, как там пострадавшие?
- Врачи прилетели еще вчера и сегодня утром взялись за Королева – операция еще идет. А потом будут оперировать Багрова – он пока в реанимации в искусственной коме, но, как мне шепнули, надежд никаких.
- Все в руке божьей, – философски заметил Гуров, глядя в окно, а потом недоуменно произнес: – Чем дольше я смотрю на ваш город, тем больше удивляюсь. Он у вас кукольный какой-то! Тут только Барби с Дэнными и жить.
- Он просто чистый, – улыбнулся Сафронов и предложил: – Хотите, я для вас короткую экскурсию проведу? Точнее, вы будете смотреть и спрашивать, что вам непонятно, а я буду отвечать.

– Вообще-то, я в Интернете уже все прочитал, – хотел, было, отказаться Гуров, но Сафронов продолжал настаивать:

– Лучше один раз увидеть собственными глазами, чем сто раз прочитать. Я вам очень рекомендую посмотреть сейчас хотя бы центр нашего города, хотя, уверяю вас, его окраины выглядят ничуть не хуже.

– Ну, если только недолго, – согласился Лев.

– Останови на Митрофановой, – приказал генерал водителю.

Проехав немного, машина остановилась, и Гуров с Никитиным и Сафроновым вышли. Увидев табличку: «Улица имени Елены Митрофановой», Лев заинтересованно спросил:

– Это какая-то ваша местная героиня?

– Нет, так звали девушку, которую двадцать лет назад сынок Порошина и его дружки изнасиловали. Раньше улица «Революционной» называлась, а когда Королев мэром стал, он ее и переименовал, – объяснил Сафронов. – А вон это, – показал он рукой, – дом, где наш губернатор живет, и на его доме, прямо возле его подъезда, такая же табличка.

– То есть, чтобы, возвращаясь домой, он каждый раз видел, за что расплачивается, – понял Гуров. – Да уж! Жесткий мужик Королев! Я бы даже сказал: жестокий! – Неожиданно он круто сменил тему: – Генерал, а вы мне не покажете ту волшебную палочку, с помощью которой вам удалось навести в области такой порядок, что по показателям она практически первая в России.

– А вон она идет! – ответил тот, махнув трем крепким мужикам в камуфляже, которые неспешно шли по улице, но при этом внимательно смотрели по сторонам. – Их в области называют «королевская гвардия».

– То есть создал ее Королев? – уточнил Гуров.

– Да! Он привлек Полякова, а тот уже собрал остальных – авторитет-то у него в армии огромный. Королев для них всех – бог и царь. Это же он пробил и инвалидные коляски, и лечение, и все прочее.

Мужчины в камуфляжной форме подошли, и Сафронов показал на шеврон на рукаве одного из них, где было написано: «Наш город. Кто, если не мы».

– И часто вы патрулируете? – обратился к ним Гуров.

– Круглосуточно и ежедневно, – кратко ответил один из них и в свою очередь спросил:

– Это вы приехали, чтобы найти того, кто на Иваныча руку поднял?

– Я, – подтвердил Лев.

– Зря, мы его сами найдем, – криво усмехнулся мужик.

– Если устроите самосуд, ответите по закону.

– Ответим, – кивнул мужчина. – Если вы что-нибудь докажете.

– Оружие боевое? – кивнул полковник на их кобуры.

– Травматика, но если с ней умеючи обращаться, то очень действенная вещь.

Патруль пошел дальше, а генерал значительно проговорил:

– Вот так-то! Потому и национальный вопрос у нас закрыт раз и навсегда! И уличная преступность у нас нулевая! Как и подростковая! Задержат гвардейцы развеселую пьяную компанию, по рации нашу машину вызовут, и всех дружно в «обезьянник», а родителей – на ковер! Первое предупреждение, второе, а потом – дело о лишении родительских прав!

– И что, действительно лишали? – недоверчиво спросил Гуров.

– Да! Пять таких случаев было. Конечно, детей в семьи вернули, но те несколько месяцев, что в детдоме провели, они на всю жизнь запомнили! А всем другим подросткам и их родителям – урок! Так что вы ни одного подростка без родителей на улице после десяти часов вечера не увидите. И никаких дворовых компаний с гитарой и бутылкой пива по кругу.

– Да у вас ее здесь и купить-то сложно – ни одного киоска нет, – оглядевшись, заметил Лев. – И если это одна из центральных улиц, то где супермаркеты? Уж они бы такое место не пропустили.

– Прошу! – Сафронов показал на вывеску: «Муниципальный магазин», рядом с которой соседствовала «Муниципальная аптека». – Давайте зайдем – это надо видеть!

Вообще-то, не для того Гуров приехал сюда, чтобы по магазинам ходить, но заглянуть все-таки решил и, войдя, буквально обалдел: прилавки и витрины были завалены всевозможной продукцией местных перерабатывающих заводов, причем цены до того смешные, что просто не верилось.

– Потому что перекупщиков нет, это прямые поставки, причем сделанные все по ГОСТу! – поняв его недоумение, объяснил Сафронов. – Ну, и кто пойдет заморскую просроченную снедь покупать, если в муниципальном все свое, экологически чистое и гораздо дешевле! Кстати, если выпить захотите, то здесь можно брать все без опаски, ничего паленого днем с огнем не найдешь. И в аптеках такая же картина, потому что заключены договора на прямые поставки с заводами-производителями, минуя посредников и всякие оптовые базы. Купленные там лекарства гарантированно, – подчеркнул он, – помогут, и, опять-таки, в разы дешевле! И промышленные товары у нас процентов на пятьдесят, если не больше, свои. Одежда – не Карден и мебель – не Италия с Испанией, но вся эта продукция имеет спрос, ничего по складам не залеживается! У меня, между прочим, внучки в кроличьих шубках ходят! И довольны до соплей! А то, что мех не ноский, так и цена у них такая смешная, что каждый год можно новую покупать, тем более что ребенок растет! И, самое главное, у нас безработицы нет! Все люди делом заняты! А когда они работают, им пить и хулиганить некогда.

– И все это держится на одном Королеве? – изумленно произнес Гуров.

– Да! И если он умрет и сюда губернатором назначат какого-нибудь варяга, то все это ёкнется к едрене фене! И сюда рванут обратно все те, кто тут раньше благоденствовал, и начнут снова область на ключья рвать! Научно выражаясь, передел собственности, а на самом деле – драка за сладкий кусок. Заводы обанкротятся, тут же встанут, а люди окажутся на улице, и все в этом духе. Появятся посредники, перекупщики и прочая шваль, а, значит, цены взвинтятся в разы. Вот тогда-то народ и возьмется за вилы с топорами! Второй раз превратить себя в быдло они уже не дадут! Почувствовав себя снова людьми, они за свое родное будут стоять насмерть! Ты про дубину народной войны случайно ничего не помнишь? – зло говорил Сафронов, незаметно перейдя на «ты».

– Льва Толстого я читал и согласен, что это сравнение здесь вполне уместно, – согласился Гуров и, усмехаясь, предложил: – Давай на улицу выйдем, а то на нас уже все смотрят. – Когда они вышли из магазина, он спросил: – А может, нужно искать среди тех, кого он отсюда выжил?

– В том-то и дело, что он никого не выживал! – уже спокойнее объяснил генерал. – Это называется: здоровая конкуренция! Тут у нас от супермаркетов, аптек и салонов сотовой связи не продохнуть было! Весь центр скупил! А он стал все муниципальное открывать! И сотовый оператор у нас свой, местный, и минута копейки стоит! Вот они все и загнулись!

– Ну, киоски-то можно было оставить, – заметил Лев.

– И на каждый камеру наблюдения направить? – ехидно спросил Сафронов. – Нет уж! У нас все в магазине! А прилавков со спиртным и сигаретами под особым присмотром, и каждая продавщица знает, что, если она продаст что-нибудь несовершеннолетнему, ее на первый раз серьезно оштрафуют, а на второй – выгонят, к чертовой матери, с такой записью в трудовой книжке, что она никогда больше ни в одно муниципальное предприятие не устроится!

– Мы так и будем стоять возле магазина? И ты будешь на меня орать, а я – слушать? – поинтересовался Гуров.

– Извини! – буркнул генерал. – Как все это случилось, ни секунды не спал. Нервы ни к черту! Ведь на пороховой бочке все сидим! Тут так может рвануть, что щепок не останется!

– Я уже и так все понял, – отмахнулся Лев. – Ладно, пошли, а то у меня к тебе еще много вопросов. – Они неторопливо двинулись дальше, и он продолжил разговор: – Что у вас с наркотиками? По отчетности, так прямо сплошное благолепие.

– Вмале, как говорят попы. Королев заставил Соснина – он в областной администрации руководит управлением по медицине и соцстраху – провести диспансеризацию всех школьников и студентов, причем в понедельник, то есть после дискотек и прочих увеселений. По анализу крови сразу же стало ясно, кто чист, а кто – нет.

– И опять родителей на ковер! – все поняв, подхватил Гуров. – А уж те со своего чадушки глаз не спустят! Да и тому перспектива в детдом попасть тоже не улыбается.

– Вот именно! – кивнул Сафронов. – Со студентами сложнее было, но их предупредили, что могут и повторный анализ взять, и, если окажется, что он снова согрешил, то тогда с высшим образованием ему придется распрощаться.

– На этих тоже действовало?

– Не на всех, так что несколько человек действительно отчислили за недостойное поведение. Но тут ведь еще один аспект – Королев с самого момента своего воцарения стал каждую субботу по телевизору выступать. Вот он все эти годы и вдалбливал людям, что они должны заботиться о своем городе точно так же, как о своей квартире! То, что сегодня произошло с соседским ребенком, может завтра случиться уже с их собственным. И объяснял, что это не стукачество, не доносы, а бдительность и забота о своем городе. Вот мы благодаря наблюдательным бдительным старушкам и накрыли несколько наркопритонов. А на дискотеках гвардейцы дежурят, и, чуть малейшее подозрение, они супостата под белы ручки – и к нам. Конечно, свинья грязь всегда найдет, но заразу эту мы довольно основательно извели.

– Организованная преступность, как я понял, тоже по нулям.

– Так все братки в бизнес подались, налоги платят да благотворительностью занимаются. А бытовуха, она при всех царях была и будет, только у нас и с ней негусто. Представь себе, наломается мужик на работе за день, придет домой, а его на столе уже тарелка борща дожидается, а в ней шмат мяса с лапоть, что при наших ценах в каждой семье есть. Поест он и в кресле перед телевизором вырубится, а жена ходит и на детей шикает, чтобы они папе отдыхать не мешали. И чувствует он себя кормильцем и главой семьи – какая уж тут бытовуха? А если ему расслабиться захочется, так у нас по всему городу спортбары, только там, кроме пива, ничего не подают. Соберутся мужики, чтобы матч какой-нибудь посмотреть, проорутся, проматерятся, пар выпустят, а потом, успокоенные, по дому расходятся.

– И что, даже драк не бывает? – удивился Гуров.

– А там гвардейцы дежурят, так что ни водку не принести, ни кулаками помахать – у них не забалуешь.

– А это? – кивнул на мусорные баки Лев. – Что, все люди действительно дисциплинированно разбирают свой мусор, чтобы по разным бакам кидать?

– А ты наверх посмотри, – предложил генерал.

Гуров поднял голову, увидел направленную на баки камеру наружного наблюдения и низким голосом произнес:

– Старший брат наблюдает за тобой.

– Первое время люди валили мусор как попало, только потом их фотографии – опаньки, и во весь экран на местном канале с комментариями: «Этот человек не хочет, чтобы наш город был чистым». Ну, и кто второй раз на такой позор решится?

– Товарищ генерал-майор! Разрешите обратиться? – подал голос Никитин, который все это время молча ходил вместе с ними.

– Капитан, меня зовут Олег Александрович, – ответил генерал. – Что у тебя?

– А почему в городе совсем нет бродячих собак, но зато очень много бездомных кошек? – спросил Володя.

– Наблюдательный он у тебя парень, – одобительно заметил Сафронов и объяснил: – Собак мы всех отловили, и они теперь свой век доживают в приюте за городом, причем кобелей кастрировали, так что их количество может только уменьшиться. А вот кошки – это естественная преграда между людьми и крысами с мышами. Потому что домашний Мурзик при виде крысы на шкаф сиганет, и его потом даже колбасой не сманишь, а вот дикая кошка по природе своей охотница. Вот их в городе никто и не трогает, наоборот, подкармливают.

– Ладно, генерал, понял я, для чего ты мне эту экскурсию устроил – чтобы понял я, кто для всего этого города Королев и что будет, если он умрет. Придет варяг со своей голодной командой, которая начнет все здесь переиначивать и делить! И начнется «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»! – вздохнул Гуров.

– Правильно понял, полковник, – кивнул Сафронов. – Мне до пенсии два месяца, и уйти я хочу достойно! С Почетной грамотой, благодарностью министра, ценным подарком и всем, что еще полагается! А не вылететь с позором с работы! Еще и мне, и моим ребятам очень сильно не хочется вместе с гвардейцами дубинками разгонять толпу, которая выйдет на улицы. Поэтому вот он тебе я, и любая помощь, какая только потребуется, к твоим услугам. Нужно будет, я и казарменное положение введу.

– Хорошо, давай где-нибудь присядем и поговорим по делу, – предложил Гуров и, увидев в тени дерева скамейку, пошел к ней и сел, Сафронов и Никитин присели рядом. – Ну, начнем, благословясь! Подрывник!

– Со вчерашнего вечера во всех военкоматах области проверяют все личные дела людей, которые имели к подобным вещам хоть какое-нибудь отношение, потом с ними беседуют, выясняют, чем они занимались приблизительно три месяца назад, не появились ли в их семьях деньги, и все остальное. В управление информация поступает каждый час. Только непонятно, где он здесь у нас мог взрывчатку достать, поэтому есть мысль, что подрывник может быть и пришлым.

– Согласен, – кивнул Лев. – Пойдем дальше. Месть кого-то из уголовников, чьи дела вел Королев, но мы об этом уже говорили, и я эти дела посмотрю. Теперь пошли по личным мотивам.

– Понял, отвечаю. Женился в двадцать лет, как из армии пришел, на соседке. Два сына и дочь. Все уже женаты, имеются внуки. У всех свои квартиры, машины, и все работают при нем в мэрии. На старшем сыне – вся коммуналка, транспорт и строительство, на младшем – торговля и бытовое обслуживание, а дочка – юрист. Жена уже на пенсии – домом и внуками занимается. Имеется загородный дом на Чернавке, но не дворец.

– Любовница?

– Чего не знаю, того не знаю, но если есть, то все очень тихо и без скандалов.

– Теперь давай по той давней истории с изнасилованием. Порошин...

– Соснин, Шишкин, Кочергин и Мамедов, – продолжил генерал. – Их всех, кроме Порошина, в люди Королев вывел. В областной администрации: Соснин – ты уже знаешь, кто, Кочергин – строительство, Мамедов – торговля и бытовое обслуживание, а Шишкин управляет банком «Черноречье», причем у всех городских и областных предприятий счета открыты именно там. И всех их Королев предупредил: если хоть один из них зарвется или начнет воровать, полетят все.

– Круговая порука, – заметил Гуров.

– Она самая. Потому и следят они друг за другом изо всех сил. Кроме того, если не будет Королева, то все повывлетают со своих мест ласточками, а нахапать на черный день ни один из них не смог, хотя по мелочи им, конечно, кое-что перепадает. Так что все кровно заинтересованы в том, чтобы он правил как можно дольше, тогда и они около власти останутся.

– Надо бы мне с ними поговорить, – задумчиво протянул Лев.

– И с ними поговоришь, и с остальными, – пообещал Сафронов.

– И много этих остальных?

– Хватает, – хмыкнул генерал. – Понимаешь, у нас тут был начальником один субъект, который хапал всеми возможными местами.

– Слышал о таком, – кивнул Лев.

– Так вот, ему – «барашка в бумажке», а он приказывал дела закрывать, а документы и вещдоки уничтожать. Только Королев все это не уничтожал, а припрятывал до лучших времен. Конечно, только то, до чего дотянуться мог. А как мэром стал, так и прижал грешников!

– Так там же, наверное, уже срока вышли, – удивился Гуров.

– А это смотря по каким статьям.

– То есть там и тяжкие были?

– Были! – кивнул Сафронов. – Вот Королев и заставил их сначала поделиться, а потом на благо области работать.

– Неужели его ни разу не пытались убить?

– Конечно, пытались! Было на него покушение в самом начале его правления.

– И что? – с интересом спросил Лев.

– А то, что он и тогда, и сейчас без «броника» даже в самую страшную жару из дома не выходит. Ведь он опером был настоящим, быстро вычислил, откуда ветер дует, и одному делу ход дал. Сели люди, как миленькие! И срока получили такие, что в далеком далеке теряются!

– То есть суд у вас неподкупный, – не скрывая иронии, констатировал Гуров.

– Представь себе, как ни странно это звучит, – совершенно серьезно произнес Сафронов. – У нас тут в самом начале случай был, когда один пьяный джигит девочку на пешеходном переходе насмерть сбил и с места происшествия скрылся, а она, между прочим, на зеленый свет улицу переходила. Судья ему условный срок дала! Так Королев в субботу в своем обычном выступлении по телевизору очень подробно объяснил людям, в чем заключалось преступление, какие могли быть смягчающие, какие, наоборот, отягчающие, и сколько этот гад должен был в итоге получить. А то, что судья ему условный срок дала, может объясняться либо ее полнейшей профнепригодностью, либо личной заинтересованностью. А потом дочке этой судьи люди на улице в лицо плевали и говорили, что ее мать – шкура продажная. Девчонка пришла домой и таблеток наглоталась. Еле-еле спасли. Вот с тех пор судьи у нас и думают, что им важнее: бабло в кармане или собственный ребенок. И судят честно. Так что с коррупцией у нас по нулям.

– Наш пострел везде поспел, – хмыкнул Лев. – Ладно, все остальное по ходу дела. А теперь последний вопрос, но самый неприятный...

– Насколько и в чем я сам замазан, – не смутившись, закончил его мысль генерал. – Да, я не святой, но у Королева на меня ничего нет, потому-то он свою гвардию и создал, что на меня ему никак не надавить. Я начинал с самого низу, опером, а когда немного приподнялся, у нас хапуга появился. Так что при нем я брать взятки просто не мог, даже если бы захотел, потому что он ничего мимо себя не пропускал. Он даже в отпуск не уходил, чтобы деньги случайно к кому другому не уплыли, потому-то его insult и шарахнул. При сопляке – тем более. Ты знаешь, как я стал начальником управления? – Гуров кивнул. – Ну тогда ты должен понимать, под каким присмотром я жил все эти восемь лет. Они к малейшему моему промаху прицепились бы как клещи, чтобы кое-что у меня забрать.

– А что с этим компроматом на Порошина и других?

– Понимаешь, в Чернореченске районов нет, только горуправление. Двадцать лет назад я там отдел возглавлял. Начальник горуправления уехал в отпуск, а замещавший его зам с аппендицитом в больницу попал. Вот я и оказался временно исполняющим обязанности исполняющего обязанности. И именно мне тогда позвонил генерал, приказал закрыть дело об изнасиловании Елены Митрофановой и все улики уничтожить. А ведь о нем уже весь город шумел! Что я должен был сделать? Спорить с ним? Так против ветра – себе же в морду! А другой

«врио», которого тут же назначили бы, в ответ генералу только отковырял. Вот и вызвал я тогда Королева. Это сейчас он для меня Василий Иванович, а тогда был просто Вася. Передал я ему приказ генерала, а он в ответ – ни мур-мур, хотя Митрофановы с ним в соседнем доме жили, и Лену он еще сопливой девчонкой знал. Сказал – есть! И с тем отбыл. Он вообще славился тем, что брался за самые грязные и кровавые дела, хотя ясно было, что судебной перспективы они не имеют и их все равно прикажут закрыть. Он и закрывал, и улики с вещдоками уничтожал! А на самом деле компромат копил и часа своего ждал. И дождался! Вот тебе, Лев Иванович, и вся история!

– Невеселая история, генерал, – вздохнул Гуров. – Очень сильно она мне не нравится! И что, тебя никто никогда не просил найти эти припрятанные документы и улики?

– Нет, полковник, меня не просили, – покачал головой Сафронов. – Мне приказали! Причем из Москвы! Расшибись, мол, но найди! Я год вплотную искал, но не нашел! Потому что Васька – опер настоящий, и уж если чего занывает, то хрен найдешь! Да ты по сторонам посмотри! Вон бабулька идет, которая на свою нищенскую пенсию при наших ценах достойно жить может! И если он, предположим, ей что-то на сохранение дал, она и на исповеди в этом не признается, будет на все иконы креститься и божиться, что ведать ничего не ведает! И таких здесь весь город!

– Но у вас тут вроде какая-то оппозиция есть, и даже газета «Протест» у них имеется, – напомнил Лев.

– А! – отмахнулся генерал. – Тявкают, как шавка из подворотни. Все ищут, к чему бы прицепиться, да только, как я уже говорил, у Королева дочка юрист, так что он ни одним своим решением не то что букву закона, а даже запятую в нем не нарушил! Да там вся редакция три человека: два прыщавых юнца с глазами фанатиков да главный редактор, которого кто-то явно со стороны проплачивает, потому что он даже не местный.

– Да я уже понял, что Королев просто заставил здесь работать все уже существующие законы, – заметил Гуров, а потом напрямую спросил: – Генерал! Тебе до отставки два месяца. Как ты думаешь, кто на твое место пойдет?

– Пашка Суржиков! Давнишний друг Королева – он сейчас горуправлением рулит.

– Думаешь, Королев сможет это продать? – В ответ Сафронов только криво усмехнулся. – Хорошо! Тогда так! Ты мою репутацию знаешь? Как ты считаешь, мне верить можно?

– Тебе можно! – выделил генерал, намекая на Никитина.

– Ему тоже, – твердо сказал Гуров. – Я за него ручаюсь, как за себя!

– Хотелось бы верить, – хмыкнул Сафронов. – Так что ты хотел спросить?

– Что представляет собой Королев?

– Самая большая, самая умная, самая хитрая и самая опасная сволочь, которую я встречал в своей жизни, – ответил генерал. – Он всех мертвой хваткой держит! У него область на семейном подряде! Он с каждой закупки свой откатик имеет, с каждой проданной крошки – свой малюсенький процентик, но постоянно! И за семь лет собрались эти откатики и проценты в такую сумму, что у меня фантазии не хватит, чтобы представить себе, сколько там нулей. Внешне никто из этой семьи не роскошествует, но где-то эти деньги лежат или вложены во что-то. Вот таким путем!

– И что, никто никогда не пытался рыпнуться?

– А для чего же он гвардейцев собирает? – сделал вид, что удивился, Сафронов. – Они за него кому угодно горло перегрызут! А еще у него имеются умельцы, которые работают тихо, но эффективно! А для народа он – отец родной! Он же людям дал работу, дешевую еду и, главное, безопасность! Да они любого на клочки порвут, кто против него выступит.

– Да-а-а! – протянул Гуров. – Недаром кто-то написал, что самые страшные преступления совершаются в тихих и чистых провинциальных городах. Или что-то в этом роде. А что собой представляет Багров?

– Дерьмо! – кратко ответил генерал.

– Ладно, разберемся! Ну, что? Пошли с людьми знакомиться? А то они, наверное, уже слюной изошли. Да и мне есть хочется так, что живот подводит. – Гуров встал и выжидающе посмотрел на удивленного Сафронова. – Генерал! Неужели ты думаешь, что я сразу не понял, что вся эта экскурсия была затеяна с единственной целью: без помех и лишних свидетелей поговорить со мной. Посмотреть, что я собой представляю и чего от меня ждать, а также подготовить к предстоящей встрече с людьми, о которых мы недавно говорили и судьба которых в настоящее время зависит от меня. А где еще можно устроить такую неформальную встречу, как не в ресторане, куда ты меня целенаправленно и вел, тем более что я его уже давно заметил. Так вот, я не против. Пошли!

– Гуров есть Гуров! – поднял руки в знак того, что сдается, генерал. – Но как ты все понял?

– Володя, объяснить сможешь? – повернулся Лев к помощнику.

– Конечно, – кивнул Никитин. – Олег Александрович, дело в том, что у вашей области очень хороший и подробный сайт в Интернете. Когда я узнал, что мы сюда вылетаем, я все очень внимательно просмотрел и изучил план города. Лев Иванович сказал, что нам нужна гостиница рядом с областным управлением, а такая здесь только одна – «Черноречье», выйдя из которой и завернув за угол, рядом и окажешься. Когда мы вышли на Митрофановой, я сразу понял, что мы именно сюда и пойдем. Сами вы при нас ни с кем не связывались, но вот ваш водитель, как только остался один, тут же кому-то позвонил, то есть сообщил людям, где им нужно собраться. Мы по улице шли медленно, в магазин заходили, останавливались, потом здесь сидели, в общем, прошло уже часа полтора. Когда я гостиницу еще издалека увидел, то стал за ней наблюдать. Сегодня воскресенье, свадьбы не играют, да и таблички: «Банкет» или «Закрито» на двери ресторана нет, а для вечерних посиделок время еще раннее. А вот стоянка почему-то машинами забита, причем есть и «Волги», то есть люди не сами выбирают, на чем им ездить. И стоят они там довольно давно, потому что у водителей от скуки скулы сводит, они уже и свежие анекдоты друг другу рассказали, и хозяевам косточки перемыли, а теперь не знают, о чем и говорить – просто стоят и курят. И еще, люди там внутри кого-то ждут, но не только нас, потому что нас они уже давно увидели. Кто-то еще не подъехал, но скоро должен быть, причем не с той стороны, откуда мы идем, а с другой – мужчина какой-то периодически из дверей выходил и смотрел туда, но уже минут пятнадцать, как не выглядывал, значит, поступила информация, что человек вот-вот подъедет. Ну, вроде и все.

– Молодец! – восхитился генерал. – Эх, парень! Попался бы ты мне лет восемь назад, ей-богу, сейчас уже при такой голове подполковником был бы!

– Да мне и капитаном неплохо, – буркнул покрасневший Володя.

– Ну, что, идем? – сказал Сафронов. – Узнаем, кто же еще не приехал. А водитель, между прочим, мой племянник. Своих сыновей бог не дал, так вот о нем забочусь.

Они перешли через улицу и вошли в предупредительно распахнутые перед ними швейцаром двери ресторана, затем метрдотель провел их в банкетный зал, где за большим квадратным, сервированным, но совершенно пустым, если не считать напитков, столом сидели самые разные люди, причем только мужчины. Оглядев их, генерал удивленно спросил:

– А где Порошин?

– У него с женой беда – гипертонический криз, – объяснил ему кто-то. – Он как домой заехал, чтобы переодеться, так ее и увидел. Пока «Скорая», пока то да се... В общем, в больнице она сейчас, но уже вне опасности, вот он сюда и едет. С минуты на минуту должен быть.

– Ладно, подождем, – кивнул Сафронов и представил своих спутников: – Это наши спасители из Москвы, полковник Гуров Лев Иванович и капитан Никитин Владимир Владимирович. Не будет преувеличением сказать, что наше общее будущее отныне в их руках. Присаживайтесь, господа офицеры!

Сафронов, Гуров и Никитин сели рядом, и пока официанты подавали закуску, началось молчаливое изучение друг друга: хозяйева рассматривали гостей, и наоборот. Хозяйева все были сплошь в дорогих модных костюмах, белоснежных рубашках с галстуками, да и прочие атрибуты, вроде часов, зажигалок и так далее, соответствовали имиджу солидных бизнесменов. Вот только на лицах очень многих словно незримая печать стояла – из «братков». Никто не решался заговорить первым, пока наконец не поднялся Сафронов.

– Господа! Мы собрались по очень важному поводу и...

Что «и», никто узнать так и не успел, потому что в этот момент в зал вошел Порошин, выглядевший страшнее, чем оживший мертвец.

– Николай! Что с тобой? – воскликнул генерал, бросаясь к нему.

Вместо ответа тот швырнул на стол диск в футляре, и кто-то в ужасе прошептал:

– Началось!

Рухнув на подставленный стул, губернатор, с трудом переводя дыхание, объяснил:

– Жене сегодня утром на улице какой-то мальчишка отдал и тут же убежал. Она решила, что это запись того, как я с какими-нибудь девками кувыркаюсь, вот и решила посмотреть. А там!.. – обреченно махнул он рукой. – Хорошо, что я вовремя домой вернулся.

– Да что там? – спросил Сафронов.

– Все! – потухшим голосом ответил Порошин.

– Успокойся! Еще не все потеряно! – попытался утешить его генерал и резко спросил: – У кого-нибудь есть с собой ноутбук?

Ноутбук нашелся, и через несколько минут все, сгрудившись и напирая друг на друга, не отрываясь, смотрели на монитор – сунувшегося, было, с подносом официанта грубо выпихнули вон с приказом не появляться, пока не позовут.

– Ну, что, господа хорошие? – издевательским тоном говорил им с экрана Королев, причем, судя по дате в углу кадра, запись бы сделана больше шести лет назад. – Значит, кто-то из вас все-таки не выдержал. Но если вы это смотрите, значит, я еще жив, а вот второго сеанса уже не будет. Точнее, будет, но только для населения всего земного шара, потому что Интернет – изобретение очень полезное, а вот ксерокопии документов вкупе с этой же записью попадут в редакции всех «желтых» газет, на все каналы телевидения и в соответствующие органы. Сейчас я освежу вашу память. – Изображение отодвинулось, и стало видно, что Королев сидит за столом, а рядом с ним стопка папок и груда разных вещей. – Шика! – продемонстрировал он первую папку и, подняв другой рукой полиэтиленовый пакет с лежавшим внутри пистолетом, пояснил: – А это волына, на которой, кроме твоих пальчиков, еще три «жмура». – Потом Королев все так же методично продемонстрировал имевшийся у него компромат на других людей и, закончив с этим, сказал: – А вот эта запись вам на десерт.

На экране появилось изображение какой-то квартиры, а за столом сидели три парня и три девушки, причем одна из них явно кавказских кровей, и Гуров посмотрел на единственного за столом кавказца, который, судя по тому, что сидел отвернувшись и закрыв глаза рукой, уже видел эту запись.

– Прошу вас, не смотрите! – взмолился Порошин.

– Чья квартира? – тут же спросил Лев.

– Моих тестя с тещей, – плачущим голосом объяснил губернатор. – Они тогда в дом отдыха уехали, и она была пустая.

Между тем веселье на вечеринке принимало все больший размах, хотя одна из девушек, по имени Лена, почти не пила и чувствовала себя довольно скованно. Парней же звали Вадим, Андрей и Сергей, а девушек Фатима и Даша. Тут Вадим достал из кармана горсть таблеток и заявил:

– Гулять так гулять. Это дядька из-за бугра привез. Говорит, вещь сногсшибательная! Поклюем, цыплята! Да вы берите, не стесняйтесь! У меня еще есть.

– Так это же твой сын! – воскликнул кто-то, и Порошин глухо застонал.

Все, кроме Лены, выпили по паре, а то и тройке таблеток, что вкупе со спиртным подействовало не сногшибательно, а совсем наоборот – возбуждающе. Как и говорил раньше губернатор, «тормоза» действительно сорвало: парни лапали и раздевали девчонок, которые радостно визжали, а Митрофанова, забившись в угол, смотрела на все это с возрастающим ужасом, а потом тихонько поднялась и пошла к двери.

– Ленка! Ты куда? – позвал ее развалившийся в кресле Вадим.

– Поздно уже, Вадик, – ответила она.

– Ну, уж нет! Зря я тебя, что ли, столько времени окучивал, чтобы ты теперь слиняла! – крикнул он и бросился за ней.

Могла ли хрупкая девушка отбиться от него? Конечно, нет! Рвалась материя, лились слезы, она кричала и звала на помощь, но дождалась совершенно обратного: Андрей с Сергеем действительно пришли на помощь, но только совсем не ей. Доступная добыча в виде уже опробованных подруг их не прельщала, а вот сопротивляющаяся! Лена кричала во весь голос, звала на помощь, царапалась и кусалась, но это еще больше раззадоривало парней.

– Музыку сделайте погромче! – крикнул Андрей, и Фатима послушно прибавила звук.

– А давайте ее в три смычка, как в том кино! – предложил Вадим, и все с радостью согласились.

То, что происходило в той квартире дальше, видеть невозможно было даже Гурову, который за свою службу чего только не насмотрелся, чего уж о Никитине говорить, который, думая, что его никто не слышит, тихонько, но яростно шептал себе под нос такое, что обычно в приличном обществе говорить вслух не принято. Но самым омерзительным было то, что голые Фатима и Даша, помогая парням, держали Лену, чтобы она не сопротивлялась. А вот дальше действие развивалось уже совсем по другому сценарию: раздался грохот – это вышибли дверь, и в комнате появились милиционеры. Подонки отпрянули к стене, оставив девчонку в покое, и испуганно сжались, а молодой Королев, увидев Митрофанову, удивленно крикнул:

– Лена! – Потом повернулся к пятерым мерзавцам и прорычал: – Вы что, суки, с ней сделали?

– Васька! Ты ее знаешь, что ли? – спросил один из милиционеров.

– Всю жизнь, Пашка! Они же в соседнем доме живут! – Королев выдернул из кобуры пистолет.

– Васька! Не дури! Свидетелей куча! Не отпишемся потом! – уговаривал его Пашка. – Да они свое в СИЗО получают! А «Скорую» я уже вызвал! И криминалистов тоже!

– Только дотроньтесь до меня! – крикнул Вадим, осмелевший оттого, что немедленная расправа не состоялась, или это еще дурь у него из головы не выветрилась. – У меня в Москве дядька – ельцинский жополиз! Он вас всех в порошок сотрет!

– Бог – высоко, Москва – далеко! – зло процедил Павел и врезал ему по зубам так, что тот мгновенно залился кровью.

– Ах, какие у нас высокопоставленные родственники! – развеселился Королев. – То-то народ в камере повеселится! Дядька у парня – Ельцину жопу лижет, а его племянника будут туда трахать все, кому не лень!

– Одеться можно? – робко спросила Даша.

– Зачем? – удивился Павел. – Тебе же потом в камере снова раздеваться. Ты что же думаешь, там, в СИЗО, на тебя любительницы не найдутся? Найдутся! И на тебя! И на твою подругу! И на этих сладких мальчиков! Ну, все, сучары! Вы попали! И «кукарекать» вам на зоне до тех пор, пока сами в петлю не полезете! – злорадно пообещал он.

– Слушайте! Тут в кармане чьих-то штанов, по-моему, наркота, – раздался чей-то голос.

– Это Вадима! Это он нас чем-то отравил, – начал оправдываться Сергей.

– Закройся, мразь! Я тебе ничего насильно в рот не совал! Сам брал и глотал! – взвился Вадим.

– Ну, блин, полный букет! – послышался тот же голос. – Это какие же выродки вас на свет произвели, что такие ублюдки получились? Да ваших отцов кастрировать надо было, на хрен, чтобы уродов не плодили!

– Ну, все! Пакуем! Прикройтесь, сволочи! – приказал Королев, и эти пятеро заметались в поисках своей одежды.

– Отдайте мои джинсы! – потребовал Вадим.

– Это теперь уже не твои джинсы, а вещественное доказательство твоей причастности к распространению наркотиков! Да и зачем они тебе, если этой ночью в СИЗО тебе жопой поработать придется? Ты даже не представляешь себе, как там любят насиловать насильников!

– Найдите ему что-нибудь, – распорядился Королев.

Через некоторое время Вадиму бросили какие-то старые штаны, он надел их, но они никак не хотели на нем держаться и спадали.

– Васька, браслетики накидывать будем? – спросил Павел.

– Все как положено! Пусть привыкают! – ответил тот.

На уже одетых подонках защелкнули наручники и собрались, было, выводить, когда появились врачи, и один из них, едва взглянув на Лену, тут же воскликнул:

– Ее нужно срочно в больницу! Может быть, еще удастся спасти!

Подонков отогнали к стене и на носилках вынесли девушку. И тут Королев вдруг увидел видеокамеру:

– Какая сука решила все это заснять?

– Среди нас только у Вадима видеокамера есть, – раздался голос одного из парней.

– Выводи этих уродов, на хрен! – распорядился Королев, а потом, оглядевшись и, наверное, не увидев вокруг никого, прямо в объектив сказал: – Ну, сволочи! Вы попали! А уж ваши предки – еще больше! Какая же теперь веселая жизнь вас ждет!

Изображение исчезло, но на экране тут же снова появилось лицо уже нынешнего Королева.

– А теперь финал той давней истории, – сказал он и показал на стопку бумаги. – Это чистосердечные признания всех пятерых в содеянном и выписки из истории болезни, когда им в проктологии их рваные задницы зашивали. А это, – показал он на пакет, – покрывало с того дивана, на котором ваши ублюдки Митрофанову насиловали, и на нем не только ее кровь, но и сперма всех троих осталась. Это джинсы Вадима, что экспертиза легко установит про ДНК, а заключение о том, что в их кармане лежали наркотики, уже имеется. А это, – он начал одну за другой демонстрировать фотографии этих уже повзрослевших подонков, – инициатор того преступления Вадим Николаевич Порошин, который сейчас вместе со своим родственником, тем самым ельцинским жополизом, работает в администрации уже нынешнего президента России. Это – Андрей Андреевич Соснин, который ныне трудится в Силиконовой долине на благо и процветание Соединенных Штатов. Это – Сергей Борисович Шишкин, кандидат исторических наук, преподает в Санкт-Петербургском университете. Это – Дарья Владимировна Самсонова, бывшая Кочергина, жена начальника одного из отделений Центробанка и мать троих детей, что живет и здравствует в славном городе Москве. Это – Фатима Ахметовна Джанаева, в девичестве Мамедова, тоже жена и тоже мать многочисленного семейства, проживает в Нальчике. Я думаю, их родным, детям, близким, начальникам и подчиненным, да и просто соседям и знакомым будет очень интересно узнать, как и чем в молодости отличились эти сволочи, а также что с ними, всеми пятерыми, делали в СИЗО, пока они там сидели. Как говорится, страна должна знать своих героев! А теперь живите и ждите! А вот тебе, Соснин, и тебе, Шишкин, особое предупреждение!

Изображение исчезло, теперь уже совсем, и в зале установилась мертвая тишина, в которой сначала раздался тихой щелчок – это Сафронов, достав диск из компьютера, положил его в футляр и сунул к себе в карман, – а потом прозвучал низкий, севший от ярости голос одного из бывших «братков».

– Я не святой, но я бы этих сволочей своими руками на куски порвал!

– Заглохни, Шика! – бросил ему сидевший рядом с ним солидный седой мужик, который в молодости тоже явно был не самых честных правил.

– Да чтоб он сдох, твой Вадим! – рыдающим голосом крикнул, судя по всему, отец одного из тех пятерых подонков.

– Черт со мной! Но, если у Андрея на работе об этом узнают, его тут же уволят, и он больше нигде в Штатах не устроится, – со смертной тоской в голосе сказал какой-то мужчина, и Гуров понял, что это и есть Соснин.

– Ничего, вернется сюда, будет вагоны разгружать, – зло бросил на это кто-то из присутствующих.

– Вы не понимаете, в Силиконовую долину нельзя попасть ни по благу, ни за деньги! У мальчика светлая голова! – продолжал стонать Соснин.

– Только поздно у него мозги включились! – раздалось в ответ.

– Хватит! – рявкнул Сафронов. – От ваших слов все равно ничего не изменится! – и обратился к Порошину, который сидел, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону: – Успокойся, Николай! Лев Иванович обязательно во всем разберется.

– Спасибо тебе, Олег! – пробормотал губернатор. – Только ты меня и понимаешь!

– Да чего теперь орать? Все равно уже ничего не исправить! – сказал Мамедов и повернулся к Гурову: – Уважаемый! Я свою дочь не оправдываю, как и остальные – своих детей. Но ведь не только мы, а и они все эти семь лет каждую минуту удара ждут.

– А это похуже, чем на зоне. Там-то хоть ясность и определенность есть, и ты свое будущее знаешь, – поддержал его один из бывших «братков».

– А насчет того, что мы все в шоколаде, так это только со стороны кажется, – вздохнул один из «приличных» мужчин и представился: – Я – Кочергин. – Затем продолжил: – Вот Шика! Он раньше машины угонял, разбирал или перепродавал, и каждый день под статьей ходил, а сейчас он ими законно торгует и по всей области у него станции техобслуживания. Только тогда он один был и сам за себя отвечал, а сейчас у него семья, дочки! Соснин в поликлинике хирургом работал, а сейчас всей медициной области командует. Шишкин в областном управлении Центробанка бумажки туда-сюда носил, а теперь своим банком управляет! Я одним строительным управлением руководил, а теперь всем строительством в области. Мамедов...

– Обо мне и говорить нечего! – перебил его тот. – Я был чучмек-торгаш! И лучше бы я таким до конца жизни оставался, чем столько лет в постоянном страхе жить. Королев нас всех одной веревкой связал, так что мы, пятеро, здесь ни при чем. Мы и наши дети от его смерти все потеряем! Я не о наших должностях и положении.

– Я так и понял, господин Мамедов, – кивнул Гуров.

– Уважаемый Лев Иванович! Когда я узнал, что вы сюда приезжаете, то позвонил в Москву своим знакомым, и они мне рассказали о вас только хорошее. А еще они сказали, что ни денег, ни подарков вы от нас не примете, но вот от нашей помощи я вас очень прошу не отказываться – мы здесь живем, мы людей знаем: кто с кем дружит, кто с кем не дружит, кто чем дышит, кто с кем спит. Я правильно говорю? – повернулся к остальным Мамедов.

– Нет базара! – ответил за всех седой и пожилой, что сидел рядом с Шикой. – Если потребуется, я вам своих людей дам. Надо будет город наизнанку вывернуть, так вывернем.

– Мы и людей дадим, – поддержали его остальные «братки».

– Я смотрю, недалеко вы от своего прошлого ушли, – заметил Гуров.

– Неправильно сказали, господин полковник, – покачал головой пожилой.

– Точно! – поддержал его Шика. – Это моя служба безопасности, потому что автопоезда сами собой по воздуху еще летать не умеют.

– И у нас своя охрана имеется, – подтвердили остальные.

– Ну, уж, если вы готовы мне во всем помощь оказывать, то скажите для начала, что собой представляет Багров, – попросил Лев. – О Королеве я уже почти все знаю, а вот о нем никто и слова не сказал.

Все недоуменно переглянулись и уставились на него.

– А он-то здесь при чем? – спросил Шишкин. – Ясно же, что это Королева хотели убить, а он просто под раздачу попал.

– И тем не менее это тоже проверить надо, – настаивал Гуров.

– Ну, если надо, – пожал плечами банкир. – Сашка по жизни комсомолец. Помните, было такое выражение: «Партия сказала: «Надо!», комсомол ответил: «Есть!» Так вот, теперь у него вместо партии Королев. Сам Сашка ничего не изобретет, но вот исполнение проверит до того дотошно, что просто в каждую щель влезет и ничего не пропустит. Если Королев ему какое-нибудь поручение дает, в лепешку расшибется, но выполнит. Есть, пить и спать не будет, но точно в срок отчитается о проделанной работе, и придаться будет не к чему.

– А кто сейчас будет руководить городом, когда они оба в больнице? – спросил Гуров.

– Старший сын Королева Ванька, то есть Иван Васильевич, – поправился Кочергин. – В отца пошел, ему тоже палец даже издалека показывать нельзя – тут же руку по плечо отхватит. Но если вы думаете, что это кто-то из детей Королева затеял, чтобы на его место сесть, то глубоко заблуждаетесь, потому что Королев им цену знает и секретами ни с кем из них делиться не стал бы. Как и с женой. Он вообще никому не верит.

– Не согласен, у кого-то же этот компромат хранится, – возразил Гуров. – А вот для того, чтобы мне начать думать, информации пока маловато.

– Мы ответим на любые вопросы! Даже самые неприятные! – заверил его Кочергин.

– Договорились, – кивнул Лев и, повернувшись к Сафронову, напомнил: – Генерал! Мы, вообще-то, сюда пообедать пришли.

– Да-да! Конечно! – спохватился тот. – Но кто же знал, что запланированный мной разговор вот так повернется?

– Ну, ладно, мы тогда пошли, – сказал, поднимаясь, Шика, а за ним и все остальные. – Приятного аппетита!

Они двинулись в сторону двери, но дойти до нее не успели, потому что она распахнулась, и в зал вошли трое мужчин в камуфляжной форме: двое помоложе, а третий был седым, в темных очках и нес в правой руке папку, а вот вместо левой у него был протез. Гуров тут же понял, что перед ним генерал Алексей Ильич Поляков. Он бросил на стол перед Сафроновым папку и сказал:

– Олег! Ты ее в машине оставил. Я знаю, что письменное заключение экспертов уже готово, вот и доставай! Моим ребятам его посмотреть надо – они лучше любых экспертов разберутся.

– Ну, давай попробуем! – согласился Сафронов и, достав документ, протянул его Полякову.

Но взял его один из молодых мужчин, после чего он и его спутник стали его вместе читать, а потом шепотом на ухо пересказали его содержание своему командиру – ну, правильно, видел-то Поляков плохо. Тот выслушал, покивал головой, заключение тут же вернули Сафронову и собрались, было, уйти, но Гуров, да и все остальные, тут же поняли, что Поляков и его подчиненные о чем-то догадались, поэтому Сафронов жестким голосом остановил их:

– Алексей! Так дела не делаются!

– Да, товарищ генерал-лейтенант! Так дело не пойдет! – решительно заявил и Лев. – Вы явно что-то поняли, так поделитесь информацией!

– А ты кто таков? – удивленно спросил Поляков, потому что и сам Гуров, и его голос были ему незнакомы.

– Это к нам на помощь прибыл из московского главка полковник Гуров Лев Иванович, – объяснил Сафронов.

– Генерал-полковник Гуров Иван Иванович тебе кто? – даже не поздоровавшись, спросил Поляков.

– Отец! Только меня генеральским сынком даже в детстве никто не считал, – довольно резко ответил Лев.

– Вижу, с характером, значит, в отца пошел, – хмыкнул Алексей Ильич. – Ну, и как он сейчас?

– Годы пытаются взять свое, а он не дает.

– Будешь с ним говорить, передай ему привет от старшего лейтенанта Полякова, может, вспомнит, – сказал Алексей Ильич.

– Забудешь вас, как же, если вы штабные учения в присутствии командующего округом чуть не сорвали, – буркнул Гуров.

– Приятно сознавать, что останешься жить в сказаниях и легендах, – хмыкнул Поляков и уже серьезно добавил: – Ладно! Хотели мы его сами найти, но исключительно ради твоего отца, что тогда меня отстоял... Олег! Объявляй в розыск Зайцева Анатолия Борисовича!

Сафронов быстро нашел в своей папке какой-то документ и воскликнул:

– Есть такой! Так он около трех месяцев куда-то исчез. А это точно он?

– Я с ним вместе в Чечне служил и его почерк ни с каким другим не спутаю. Это его работа! – уверенно проговорил один из спутников Полякова.

– Он у меня в гвардии был, только я его выгнал, – подхватил Алексей Ильич.

– За что? – тут же поинтересовался Гуров.

– За то, что проститутками пользовался бесплатно, – объяснил Поляков.

– Значит, проститутки у вас все-таки есть, – повернулся к Сафронову Лев Иванович.

– А вы что хотели, если это древнейшая на земле профессия? – развел тот руками. – Только они у нас все на учете стоят и каждую неделю в вендиспансере анализа сдают. Не знаю, что уж они там в Москве себе думают, а я считаю, что пусть лучше мужик или студент какой-нибудь, у которого в штанах засвербело, проститутку «снимет» и пойдет дальше по своим делам, чем будет по кустам таиться и припозднившихся женщин поджидать. Потому-то у нас за последние годы ни одного случая изнасилования и не было.

– Мы его тоже поищем, – пообещал Шика.

– Шика! – резко остановил его Гуров, но тот, так же резко, перебил его:

– Для вас, господин полковник, я Шikuнов!

– Хорошо, господин Шikuнов! – вынужден был согласиться никак не ожидавший такого отпора Лев. – Тогда запомните, что Зайцев нужен здесь и живым, чтобы мог назвать имя заказчика!

– Не делайте из нас чудовищ, – небрежно бросил Шика.

«Братки» ушли, а Гуров обратился к Полякову:

– Алексей Ильич! Мне бы поговорить с вами – вдруг у вас по поводу всего случившегося какие-то свои соображения есть?

– Заходи в любое время, – ответил тот, протягивая ему визитку. – А где мы находимся, тебе всякий покажет, – и тоже ушел со своими подчиненными.

– Ну, и мы тогда не будем вам мешать, – робко проговорил Порошин. – Да и в больницу к жене мне надо.

В результате в зале остались только Гуров, Сафронов и Никитин, и Лев, уже начиная злиться, потому что есть хотелось страшно, спросил:

– Так обед будет или нет?

– Да будет, конечно! – успокоил его генерал. – Сейчас распоряжусь! Вы тут кушайте, а мне к себе в управление надо, чтобы Зайцева в розыск объявить. А как поедите, вас мой водитель в управление отвезет или, если хотите, проводит – тут действительно недалеко.

Он быстро ушел, и почти тут же появился официант с подносом. Разносолов не было, но вся еда оказалась очень вкусной, а порции большими, так что наелись оба «от пуза».

– Рассчитайте нас, – попросил Лев официанта, когда они покончили с обедом.

– За все уже заплачено, – предупредительно ответил тот.

– Одалживаться не привык, так что принесите счет, – недовольно бросил Гуров.

Официанту ничего не оставалось, как подчиниться, и, расплатившись каждый за свое, они вышли в коридор, где их уже ждал водитель Сафронова.

– Господин полковник, майор Панкратов прибыл в ваше распоряжение, – представился он. – Докладываю: номер в этой гостинице вам уже приготовлен, и сумки туда отнесли. Номер хороший, с видом на реку, будете довольны! Кабинет вам тоже подготовлен, уголовные дела и материалы доследственных проверок, которые Королев в свое время вел, находятся там, и записи с телевидения привезены. Какие еще будут указания?

– А имя у вас есть? – поинтересовался Гуров.

– Так точно, Константин.

– Да не тянитесь вы передо мной! Не на параде! Скажите лучше, вы местный? Город хорошо знаете?

– Местный, да мне и по должности положено его хорошо знать, – ответил майор.

– Что же вас родной дядя в шоферах держит?

– Да это я только сегодня у него водителем поработал – мало ли, о чем в машине разговор пойдет, а так я – начальник угро, – объяснил Константин.

– Ну, ведите нас, Костя! А то засиделись мы что-то, прогуляться хочется, – улыбнулся в ответ Лев.

Они вышли из ресторана и, пройдя буквально пятьдесят метров и завернув на угол, оказались на Речной улице, как здесь называлась набережная Чернавки, на которой и располагалось областное управление. Это было большое и добротное здание еще дореволюционной постройки и впечатление производило очень внушительное.

– Это еще что за памятник архитектуры? – хмыкнул Гуров.

– В старопрежние времена, когда еще никаких ГЭС не придумали, Чернавка была рекой судоходной, и в этом здании располагалось хозяйство купца первой гильдии Сарафанова. После революции здесь чекисты располагались, а потом им новое здание построили, а это нам отдали.

– Значит, теперь будем вместе работать. Достаньте нам карты города и области, – велел Гуров.

– Уже приготовлены!

– Оперативно! – одобрительно хмыкнул Лев.

Кивнув отковырявшему им дежурному, они вошли внутрь. Приготовленный для них на первом этаже кабинет, потолок которого терялся где-то далеко наверху, был светлым, чистым, просторным, и в нем имелось все необходимое, начиная с компьютера и заканчивая чайником, посудой, чаем, кофе и сахаром, в холодильнике стояли бутылки воды, лежали колбаса, сыр, разнообразные консервы и почему-то хлеб, а также печенье и пряники.

– Кого же из-за нас отсюда выселили? – поинтересовался Гуров.

– Следаки сидели, – пояснил Костя.

– Что же они свое добро-то не забрали? – кивнул Лев на холодильник.

– Да нет, это все для вас приготовлено – вдруг перекусить захочется?

– Это лишнее. До которого часа столовая работает?

– Господин полковник! Разрешите неофициально? – вместе ответа проговорил, вздохнув, Константин.

– Слушаю вас. А раз уж неофициально, то можете обращаться по имени-отчеству.

– Лев Иванович! Вы уж извините меня, только вы, видимо, не до конца поняли, что в городе и области творится. Нас всех не то что знобит или лихорадит, нас всех в жесточайшем Паркинсоне трясет! Вся надежда только на вас! И если вам потребуется, чтобы столовая работала круглосуточно, то так оно будет! Вы ведь историю моего дяди знаете? Ему до пенсии два месяца, и если разразится скандал, он не в отставку выйдет, а с работы вылетит! «Доброжелатели» у него имеются! Поэтому и он, и все остальные сделают все, что угодно, чтобы этого гада найти. А что касается этого, – подбородком показал он на холодильник, – то цены в наших магазинах вы видели, поэтому продукты взяткой считаться никак не могут – по сумме не проходят.

– Тогда ладно! Ну, что? Начнем, пожалуй! Костя, раз уж вас нам придали, то организуйте нам просмотр всего, что местные наснимали, но учтите, что нас интересуют только съемки стройки, ничего больше!

– Лев Иванович, а у меня уже все готово – я же ваш разговор в машине слышал, так что тут только стройка за последние четыре месяца, куда Королев каждую субботу ездил, – ответил Костя.

– Молодец, на лету схватываете! – одобрил его Гуров. – Ну, поехали!

Они втроем, не отрываясь, просмотрели все записи, но Никитин не нашел в них ничего примечательного, да и Гуров их никак не комментировал, а когда они закончились, спросил у Константина:

– Вы уголовные дела смотрели?

– Нет – я же не знал, что вас может заинтересовать, – ответил тот.

– Ну, тогда вы свободны, а дела мы уже сами посмотрим. Скажите, когда у вас светает?

– Да в шесть уже светло как днем.

– Ну, значит, завтра в шесть утра возле гостиницы с машиной, и карты взять не забудьте, – приказал Гуров.

– Есть! – четко ответил Костя.

– Лев Иванович! Я пойду покурю! – просительно произнес Никитин.

– Бросать тебе надо, Володя! – недовольным голосом ответил Гуров.

– Так ведь с того момента, что мы сюда прилетели, это первая, – оправдывался Володя.

– Ладно! Иди! – буркнул Лев, пододвигая к себе первую папку.

– Пошли, покажу, где тут у нас курят, – сказал Константин, когда они с Володией вышли из кабинета.

Курилкой оказалась лестничная площадка с ящиком песка, из которого торчали окурки. Усевшись на подоконник, оба закурили, и Костя спросил:

– Слушай, он всегда такой неласковый?

– Неласковый?! – удивился Никитин. – Он сейчас обычный, а вот неласковым я никому не пожелаю его увидеть – размажет так, что и следа не останется!

– Что, и начальство послать может? – недоверчиво спросил Константин.

– Еще как! – усмехнулся Володя.

– Вот поэтому он до сих пор и не генерал, хотя мы в институте некоторые его дела на занятиях разбирали, он, можно сказать, в учебники вошел.

– Да давно он мог бы быть генералом, только ему это не надо. Подумай сам, ну, зачем ему за чьи-то грехи и ошибки отвечать? Он сейчас сам по себе, и выше его – только звезды!

Их со Станиславом Васильевичем в главке называют «лучшие из лучших»! Случись чего, к ним на поклон идут.

– Ну, и порядки у вас там в Москве! – покрутил головой Костя. – Да если бы у нас тут кто-нибудь только попробовал...

– Слушай! Если тебе серьезную операцию надо делать, от которой твоя жизнь зависит, ты к какому хирургу пойдешь? К тому, который тебе ласково улыбается, но при этом ни черта не знает, или к тому, кто тебя с ног до головы обматерит, но от смерти спасет? – спросил Никитин.

– Понял, не дурак, – кивнул Константин.

– Вот на них никто и не пытается давить или приказывать! Потому что каждый из них в любой момент может плюнуть, уйти, и без работы они не останутся! Вот начальство и терпит их закидоны!

– Значит, начальник у них – ангел во плоти! – усмехнулся Костя.

– Только упаси тебя бог с этим ангелом встретиться, когда тот не в духе! Не хуже Гурова размажет! – рассмеялся Володя.

– А Станислав Васильевич?

– Это полковник Крячко. Только он заболел, вот Лев Иванович меня с собой и взял – надо же кому-то черновую работу выполнять.

– А как ты вообще в главк попал? – с интересом спросил Костя.

– Не поверишь! Чистой воды везение: просто оказался в нужный момент в нужном месте. Но если на чем-нибудь сорвусь, то вылечу обратно в район, а мне этого очень сильно не хочется!

– Еще бы! – понимающе заметил Константин и, увидев, как Володя тушит окурков в небольшой карманной пепельнице – между прочим, подарок Гурова, удивленно вытаращился на него: – Ты чего это?

– Еще с района привычка – нельзя оперу на месте происшествия свои следы оставлять. А то у нас был один, так тот умудрился не только закурить в квартире, откуда только что после гулянки «терпилу» с тяжкими телесными вынесли, так еще и в пепельнице, что на столе с окурками стояла, свой потушить. Вот наши эксперты потом и бились с ним, потому что совершенно непонятно было, откуда вдруг он один такой взялся. А поскольку все гости старика пошли в глухой отказ, решили, что этот окурков оставил преступник. Хорошо, что потом кто-то вспомнил, как этот болван там курил. Представляешь, какую серенаду ему тогда наш начальник спел?

– Представляю! – рассмеялся Константин. – Но здесь-то не место происшествия.

– Костя! Привычка или есть, или нет! Ладно! Все! Побегу я, а то шеф, наверное, уже и так злится. До завтра!

– До завтра! А что делать-то будем?

– А я знаю? – удивленно вытаращился на него Никитин. – Что шеф скажет, то и будем!

На самом деле никакого такого случая с окурком в природе не было, просто выросший без отца Володя – мать замуж больше не вышла – кто же ее с тремя детьми возьмет? – всю жизнь искал тот идеал мужчины, которому хотел подражать, как сын обычно подражает отцу. И нашел его в Гурове, умном, проницательном, мужественном, сильном, немногословном, сдержанном в чувствах и жестком, когда этого требует дело. Гуров был для Никитина примером во всем. Володя не стал слепо копировать его, но перенимал многое, с поправкой на возраст и новые времена: манеру одеваться, вести себя, разговаривать, хотя в присутствии Гурова он больше молчал, наблюдая и учась работать, анализировать, жить и чувствовать, как он. Никитин видел, что Лев Иванович всегда старается не оставлять после себя никаких следов, и как-то раз обронил, что, мол, ненароком брошенный тобой окурков может однажды оказаться рядом с каким-нибудь трупом и этим сломать тебе жизнь. Этого было достаточно, чтобы Володя отчистил баночку от затвердевшего обувного крема и стал носить ее в кармане. Когда Гуров увидел, как Володя прячет туда свой окурков, он сразу все понял и на следующий день подарил ему нормальную и по-мужски элегантную карманную пепельницу, с которой Никитин теперь не расста-

вался. По-житейски мудрый и хитрый, но постоянно игравший в протаска Стас Крячко давно уже понял, что Володя относится к Гурову не столько как к наставнику и учителю, сколько как к отцу, но молчал – черт его знает, как Лев к этому отнесется?

– Освежитель воздуха, что ли, купить? – встретил Володю недовольным бурчанием Гуров. – А то от тебя табачищем разит, как от старой пепельницы! – На что Никитин благо-разумно промолчал. – Вон там, – кивнул на небольшую стопку Лев, – те дела, которые я уже просмотрел, теперь твоя очередь.

И Володя принялся за работу, читая дела, которые ему после просмотра передавал Гуров. Время шло, кипа непросмотренных таяла, а куча уже прочитанных росла. Никитин несколько раз вставал, чтобы сделать себе кофе, а Гурову чай, подкрепились они и бутербродами, а когда наконец закончили, было два часа ночи.

– Все-таки хорошо, что они нам продукты в холодильнике оставили, иначе мы столько не высидели бы, – заметил Володя. – Нужно будет несколько пакетиков чая с собой взять и консервы, а еще я сейчас бутербродов наделаю, чтобы нам утром позавтракать – кипятик-то у дежурной есть.

– Возись, если хочешь, но я думаю, что холодильник в нашем номере от пустоты не звенит, – потягиваясь, ответил Гуров.

– И все-таки лучше не рисковать, – настаивал Никитин.

Он распаковал пакетики с чаем и бутерброды по карманам, взял две банки тушенки, и они пошли в гостиницу. Увидев их, дежурный вскочил с места и, откозыряв, доложил:

– Здравия желаю, господин полковник! Дежурная машина вас ждет!

– Это чтобы до гостиницы доехать? – хмыкнул Гуров. – Отставить! Мы прогуляемся.

– Есть отставить! – снова откозырял дежурный.

Выйдя на улицу и вдохнув чистый, прохладный ночной воздух, Никитин не выдержал и произнес:

– Рекой пахнет! Эх, сейчас бы на рыбалку!

– Не трави душу, – буркнул Гуров. – Накрылась наша со Стасом рыбалка!

– Ничего! Лето еще не кончилось, еще посидите с удочкой! – попытался утешить его Володя.

Несмотря на позднее время, дверь гостиницы была открыта, и охранник предупредительно распахнул ее перед ними. Подойдя к стойке регистрации, они увидели радушно улыбающуюся пожилую женщину, которая приветливо сказала:

– Добрый вечер! Вот ваши ключи! Ваш номер 324-й, это на третьем этаже. А ужин будет через пять минут – нам только разогреть!

– Володя! Ужинать будешь? – спросил Гуров.

– Нет, мне бы сейчас только на постель упасть, – пробормотал тот.

– Ужин отменяется, – развел руками Лев Иванович. – А вот разбудить нас в половине шестого вы сможете?

– Конечно! – с готовностью заверила его женщина. – А завтрак во сколько подавать?

– Без десяти шесть, только скажите, где у вас буфет находится.

– Вам никуда ходить не надо, все принесут в номер. Спокойной вам ночи! – пожелала дежурная.

Номер оказался стандартным, но вылизанным до такой чистоты, что просто сверкал.

– Чур, я у окна спать буду! – с ходу застолбил себе место Гуров.

– Да пожалуйста! Только вы уж укройтесь потеплее, чтобы вас, как Станислава Васильевича, не просквозило, – сказал Володя, направляясь к холодильнику, чтобы положить туда бутерброды.

– Не записывай меня в старики! – сварливо буркнул Гуров, ставя секретный телефон на подзарядку.

– Лев Иванович! А ведь вы правы оказались! У нас и тут холодильник забит! – воскликнул Никитин, открыв дверцу.

– А я всегда прав!

Говоря это, Гуров вдруг быстро и неслышно подошел к двери номера и, прислонившись к стене так, чтобы оказаться прикрытым открывшейся дверью, застыл с пистолетом в руке. Никитин же, увидев, как бесшумно поворачивается оставленный им в замочной скважине ключ, тоже достал пистолет и, скользнув в ванную, прикрыл дверь, оставив небольшую щелку, через которую мог тут же увидеть того, кто войдет. Незваным гостем оказалась молодая женщина в костюме горничной. Она сделала шаг вперед, держа перед собой руки ладонями вверх, показывая тем самым, что у нее ничего нет. Гуров тут же спрятал пистолет, знаками показал Володе, что пойдет с этой женщиной, и вышел. Она пошла по коридору, Гуров последовал за ней, тихонько заметив:

– А ты, Наташа, выросла! Похорошела! – На что женщина, повернувшись к нему, только зло оскалилась.

Они подошли к какому-то номеру и вошли внутрь, там в кресле их поджидал невысокий высохший старик со впалыми щеками и нездоровым румянцем – это был «смотрящий» по Чернореченску вор в законе Тарас Семенович Остапчук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.